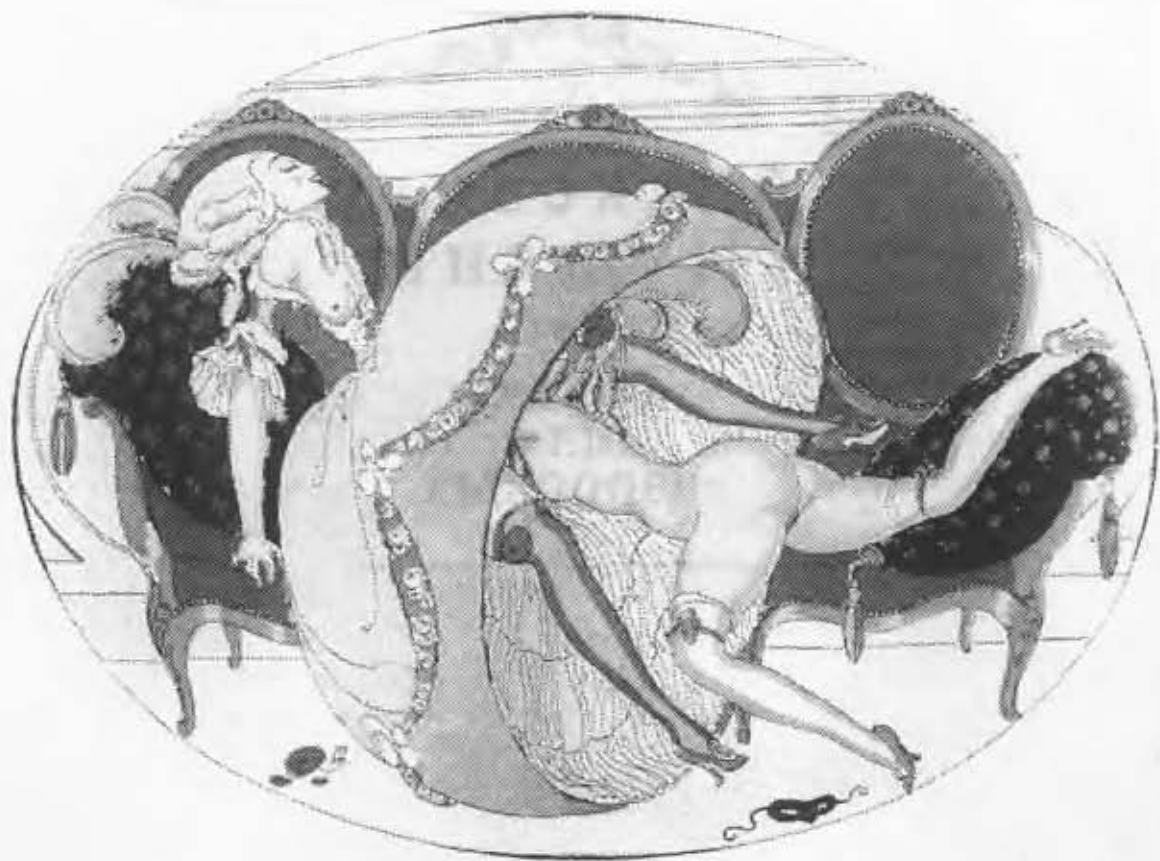

АЛЕКСАНДР
ПУШКИН

Только
для
взрослых

Золотая серия поэзии

Александр
Пушкин

Только для взрослых

Москва

«Милена»

2 0 0 5

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
П 91

Пушкин А. С.
П 91 Только для взрослых. — М.: Милена, 2005. —
256 с., ил.

ISBN 5-9744-0029-1

Поэзия многолика и многообразна. Она — живой организм, и любые попытки поделить ее на «высокое» и «низкое» бесплодны. Озорными нецензурными виршами в юности баловались и Пушкин, и Лермонтов, и Тургенев, и даже народный заступник Некрасов. Критерий тут один — насколько гениален росчерк пера.

Публикуя «хулиганские» стихи, эпиграммы и поэмы Пушкина, а также те из них, что приписывают Пушкину, мы предлагаем читателям провести в компании с юным поэтом несколько веселых минут.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 5-9744-0029-1

© Составление, оформление.
ООО «Милена», 2005

*Многие меня поносят
И теперь, пожалуй, спросят:
Глупо так зачем шучу?
Что за дело им? Хочу.*

Царь
Никита

ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ

Поэма

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творил добра, ни зла,
И земля его цвела.
Царь трудился понемногу,
Кушал, пил, молился Богу
И от разных матерей
Прижил сорок дочерей.
Сорок девушек прелестных,
Сорок ангелов небесных,
Милых сердцем и душой.
Что за ножка — Боже мой,
А головка, темный волос,
Чудо — глазки, чудо — голос,
Ум — с ума свести бы мог.
Словом, с головы до ног
Душу, сердце все пленяло;
Одного недоставало.
Да чего же одного?
Так, безделки, ничего.
Ничего иль очень мало,
Все равно — недоставало.

Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не рассердить
Богомольной важной дуры,
Слишком чопорной цензуры?
Как быть?.. Помоги мне, Бог!
У царевен между ног...
Нет, уж это слишком ясно
И для скромности опасно, —
Так иначе как-нибудь:
Я люблю в Венере грудь,
Губки, ножку особливо,
Но любовное огниво,
Цель желанья моего...
Что такое?.. Ничего!..
Ничего, иль очень мало...
И того-то не бывало
У царевен молодых,
Шаловливых и живых.
Их чудесное рожденье
Привело в недоуменье
Все придворные сердца.
Грустно было для отца
И для матерей печальных.
А от бабок повивальных
Как узнал о том народ —
Всякий тут разинул рот,
Ахал, охал, дивовался,
И иной, хоть и смеялся,
Да тихонько, чтобы в путь
До Нерчинска не махнуть.

Царь созвал своих придворных,
Нянек, мамушек покорных —
Им держал такой приказ:
«Если кто-нибудь из вас
Дочерей греху научит,
Или мыслить их приучит,
Или только намекнет,
Что у них недостает,
Иль двусмысленное скажет,
Или кукиш им покажет, —
То — шутить я не привык —
Бабам вырежу язык,
А мужчинам нечто хуже,
Что порой бывает туже».
Царь был строг, но справедлив,
А приказ красноречив;
Всяк со страхом поклонился,
Остеречься всяк решился,
Ухо всяк держал востро
И хранил свое добро.
Жены бедные боялись,
Чтоб мужья не проболтались;
Втайне думали мужья:
«Провинись, жена моя!»
(Видно, сердцем были гневны.)
Подросли мои царевны.
Жаль их стало. Царь — в совет;
Изложил там свой предмет:
Так и так — довольно ясно,
Тихо, шепотом, негласно,

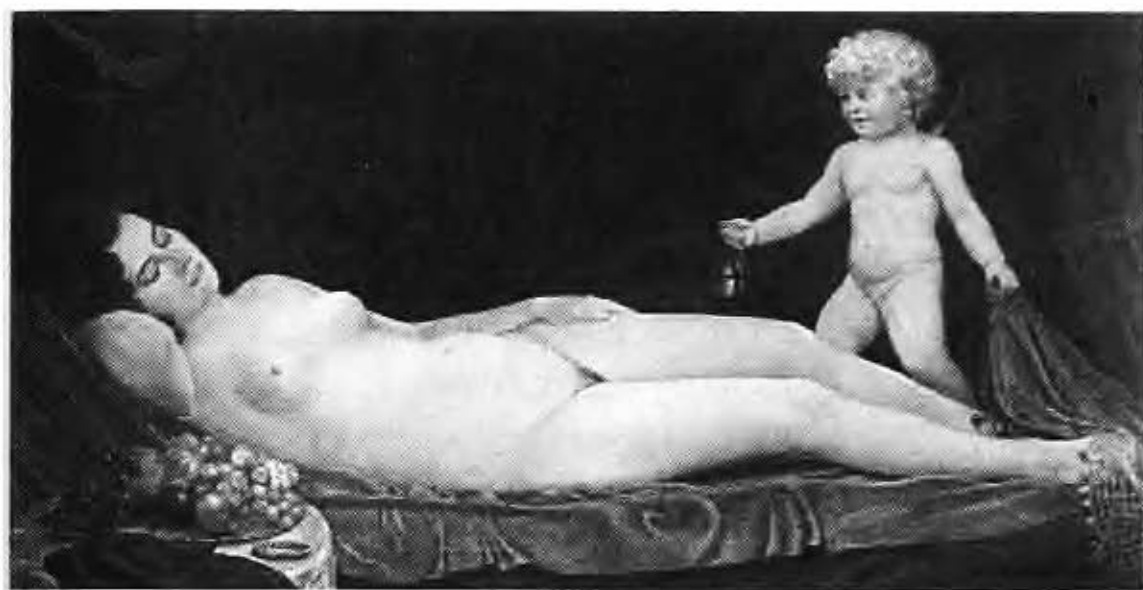
Осторожнее от слуг.
Призадумались бояры,
Как лечить такой недуг.
Вот один советник старый
Поклонился всем — и вдруг
В лысый лоб рукою брякнул
И царю он так вавакнул:
«О, премудрый государь!
Не взыщи мою ты дерзость,
Если про плотскую мерзость
Расскажу, что было встарь.
Мне была знакома сводня
(Где она, и чем сегодня?
Верно тем же, чем была).
Баба ведьмою слыла,
Всем недугам пособляла,
Немощь членов исцеляла.
Вот ее бы разыскать;
Ведьма дело все поправит:
А что надо — то и вставит».
— «Так за ней сейчас послать! —
Восклицает царь Никита,
Брови сдвинувши сердито:
— Тотчас ведьму отыскать!
Если ж нас она обманет,
Чего надо не достанет,
На бобах нас проведет,
Или с умыслом солжет, —
Будь не царь я, а бездельник,
Если в чистый понедельник

Portrait of a woman in 18th-century dress, seated on a chaise longue, holding a fan, with a man kneeling beside her.

Сжечь колдунью не велю:
И тем небо умолю».

Вот секретно, осторожно,
По курьерской подорожной
И во все земли концы
Были посланы гонцы.
Они скачут, всюду рыщут
И царю колдунью ищут.
Год проходит и другой —
Нету вести никакой:
Наконец один ретивый
Вдруг напал на след счастливый,
Он заехал в темный лес
(Видно, вел его сам бес).
Видит он: стоит избушка.
Ведьма в ней живет, старушка.
Как он был царев посол,
Так к ней прямо и вошел.
Поклонился ведьме смело,
Изложил цареве дело:
Как царевны рождены
И чего все лишены.
Ведьма мигом все смекнула...
В дверь гонца она толкнула,
Так промолвив: «Уходи
Поскорей и без оглядки,
Не то — бойся лихорадки...
Через три дня приходи
За посылкой и ответом,

Только помни — чуть с рассветом».
После ведьма заперлась,
Уголечком запаслась,
Трое суток ворожила,
Так что беса приманила.
Чтоб отправить во дворец,
Сам принес он ей ларец,
Полный грешными вещами,
Обожаемыми нами.
Там их было всех сортов,
Всех размеров, всех цветов,
Все отборные, с кудрями...
Ведьма все перебрала,
Сорок лучших оточла,
Их в салфетку завернула
И на ключ в ларец замкнула,
С ним отправила гонца,
Дав на путь серебреца.

Едет он. Заря зарделась...
Отдых сделать захотелось,
Захотелось закусить,
Жажду водкой утолить.
Он был малый аккуратный,
Всем запасся в путь обратный.
Вот коня он разнуздал
И покойно кушать стал.
Конь пасется. Он мечтает,
Как его царь вознесет,
Графом, князем назовет.

Что же ларчик заключает?
Что царю в нем ведьма шлет?
В щелку смотрит: нет, не видно
Заперт плотно. Как обидно!
Любопытство страх берет
И всего его тревожит.
Ухо он к замку приложит —
Ничего не чует слух;
Нюхает — знакомый дух...
Тьфу ты пропасть! что за чудо?
Посмотреть ей-ей не худо.
И не вытерпел гонец...
Но лишь отпер он ларец,
Птички — порх и улетели,
И кругом на ветках сели
И хвостами завертели.
Наш гонец давай их звать,
Сухарями их прельщать:
Крошки сыплет — все напрасно
(Видно, кормятся не тем):
На сучках им петь прекрасно,
А в ларце сидеть зачем?
Вот тащится вдоль дороги,
Вся согнувшись дугой,
Баба старая с клюкой.
Наш гонец ей бухнул в ноги:
«Пропаду я с головой!
Помоги, будь мать родная!
Посмотри, беда какая:
Не могу их изловить!

Как же горю пособить?»
Вверх старуха посмотрела,
Плюнула и прошипела:
«Поступил ты хоть и скверно,
Не печалься, не тужи,
Ты им только покажи —
Сами все слетят наверно».
«Ну, спасибо», — он сказал...
И лишь только показал —
Птички вмиг к нему слетели
И квартирой овладели.
Чтоб беды не знать другой,
Он без дальних оговорок
Тотчас их под ключ все сорок
И отправился домой.
Как княжны их получили,
Прямо в клетки посадили.
Царь на радости такой
Задал сразу пир горой:
Семь дней сряду пировали,
Целый месяц отдыхали;
Царь совет весь наградил,
Да и ведьму не забыл:
Из кунсткамеры в подарок
Ей послал в спирту огарок
(Тот, который всех дивил),
Две ехидны, два скелета
Из того же кабинета...
Награжден был и гонец.
Вот и сказочки конец.

Многие меня поносят
И теперь, пожалуй, спросят:
Глупо так зачем шучу?
Что за дело им? Хочу.

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Христос воскрес, моя Ревекка!
Сегодня следуя душой
Закону бога-человека,
С тобой целуюсь, ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцелуй я не робея
Готов, еврейка, приступить —
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

* * *

От всенощной вечер идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранились;
Антипьевна отменно горячилась.
«Постой, — кричит, — управлюсь я с тобой;
Ты думаешь, что я уж позабыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшкою шалила?
Постой, о всем узнает муженек!»
— Тебе ль грозить! — Марфушка отвечает, —
Ванюша — что? Ведь он еще дитя,
А сват Трофим, который у тебя
И день и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума — и ты, как я, грешна,
А всякого словами разобидишь;
В чужой п.... соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна.

НИМФОДОРЕ СЕМЕНОВОЙ

Желал бы быть твоим, Семенова, покровом,
Или собачкою постельною твоей,
Или поручиком Барковым, —
Ах он, поручик! ах, злодей!

1817–1820

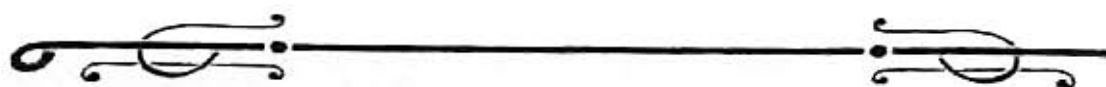

О. МАССОН

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Как же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцелуем сладострастья
Ты, тревожа сердце в нас,
Соблазнительного счастья
Назначаешь тайный час.
Мы с горячкою любовной
Прибегаем в час условный,
В дверь стучим — но в сотый раз
Слышим твой коварный шёпот,
И служанки сонный ропот,
И насмешливый отказ.

Ради резвого разврата,
Приапических затей,
Ради неги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли наш влюбленный плач —
Ночь восторгов, ночь забвенья
Нам наверное назначь.

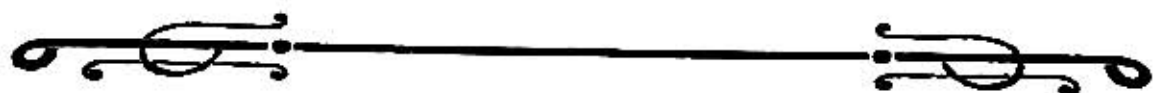
ЭПИГРАММА

(Подражание французскому)

Супругою твоей я так пленился,
Что если б три в удел достались мне,
Подобные во всем твоей жене,
То даром двух я б отдал сатане,
Чтоб третью лишь принять он согласился

* * *

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом ее страшая,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

* * *

Недавно тихим вечерком
Пришел гулять я в рощу нашу
И там у речки под дубком
Увидел спящую Наташу.
Вы знаете, мои друзья,
К Наташе вдруг подкравшись, я
Поцеловал два раза смело,
Спокойно девица моя
Во сне вздохнула, покраснела;
Я дал и третий поцелуй,
Она проснуться не желала,
Тогда я ей засунул х...
И тут уже затрепетала.

НАДЕНЬКЕ

**С тобой приятно уделить
Часок, два, три уединенью:
Один желаньям посвятить,
А два последних наслажденью.**

27 МАЯ 1819

Веселый вечер в жизни нашей
Запомним, юные друзья;
Шампанского в стеклянной чаше
Шипела хладная струя.
Мы пили — и Венера с нами
Сидела, преля за столом.
Когда ж вновь сядем вчетвером
С блядьми, вином и чубуками?

Орлов
с Истоминой
в постеле

ДОРИДА

В Дориде нравятся и локоны златые,
И бледное лицо, и очи голубые.
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделась черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

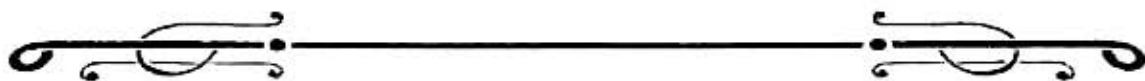

РАЗГОВОР ФОТИЯ С ГР. ОРЛОВОЙ

«Внимай, что я тебе вещаю:
Я телом евнух, муж душой».
— Но что ж ты делаешь со мной?
«Я тело в душу превращаю».

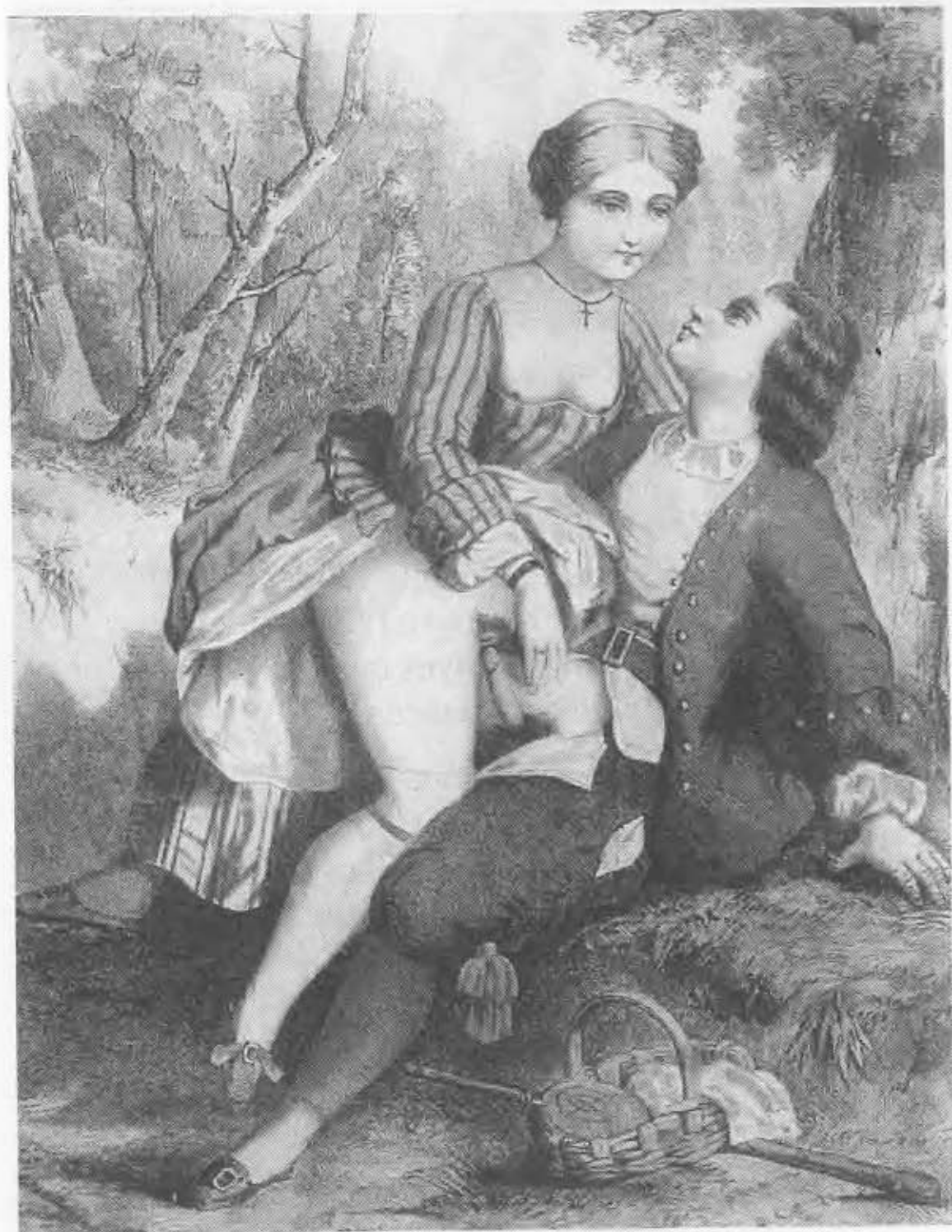

ГР. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ

Благочестивая жена
Душою Богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию.

МАНСУРОВУ

Мансуров, закадычный друг,
Надень венок терновый,
Вздыхни — и рюмку выпей вдруг
За здоровье Крыловой.

Поверь, она верна тебе,
Как девственница Ласси,
Она покорствуется судьбе
И госпоже Казасси.

Но скоро счастливой рукой
Набойку школы скинет,
На бархат ляжет пред тобой
И ноженьки раздвинет.

1819

Accolade de Mlle Tourterelle avec Brise morte

К САБУРОВУ

Сабуров, ты оклеветал
Мои гусарские затеи,
Как я с Кавериным гулял,
Бранил Россию с Молостовым,
С моим Чадаевым читал,
Как, все заботы отклоня,
Провел меж ими я круглый,
Но Зубов не прельстил меня
Своею задницею смуглой.

1824

ЮРЬЕВУ

Здорово, Юрьев именинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!
Сегодня для тебя пустынный
Осушит пенистый стакан.
Здорово, Юрьев именинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!
Здорово, рыцари лихие
Любви, Свободы и вина!
Для нас, союзники младые,
Надежды лампа зажжена,
Здорово, рыцари лихие
Любви, Свободы и вина!
Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель,
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель.
Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель!

1819

СРАВНЕНИЕ

Не хочешь ли узнать, моя драгая,
Какая разница меж Буало и мной?
У Депрео была лишь запятая,
А у меня две точки с запятой.

1813–1817

НА КНЯЗЯ А.Н. ГОЛИЦЫНА

Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, бога ради,
На него со всех сторон!
Не попробовать ли сзади?
Там всего слабее он.

1817–1820

ТЫ И Я

Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян как маков цвет,
Я как смерть и тощ и бледен.
Не имея ввек забот,
Ты живешь в огромном доме;
Я ж средь горя и хлопот
Провожу дни на соломе.
Ешь ты сладко всякий день,
Тянешь вина на свободе,
И тебе нередко лень
Нужный долг отдать природе;
Я же с черствого куска,
От воды сырой и пресной,
Сажень за сто с чердака
За нуждой бегу известной.
Окружен рабов толпой,
С грозным деспотизма взором,
Афедрон ты жирный свой
Подтираешь коленкором;

Я же грешную дыру
Не балую детской модой
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

1817

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Добра чужого не желать
Ты, боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих ты знаешь —
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На все спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! я слаб!
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти, —
О боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству друга.
Кто сердцем мог повелевать?
Кто раб усилий бесполезных?
Как можно не любить любезных?
Как райских благ не пожелать?

Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгий долг умею чтить,
Страшусь желаньям сердца льстить,
Молчу... и втайне я страдаю.

1821

РЕПУТАЦИЯ БЕРАНЖЕРА

Ты помнишь ли, как были мы в Париже
Где наш казак иль полковой наш поп
Морочил вас, к винцу подсев поближе,
И ваших жен похваливал да е...?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, е... мать?

К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, в бордели он е...ака,
И всюду он гусар.

1817

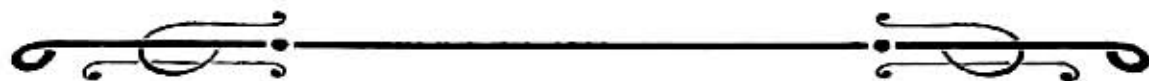

* * *

Накажи, святой угодник,
Капитана Борозду,
Разлюбил он, греховодник,
Нашу матушку п....

* * *

Сводня грустно за столом
Карты разлагает.
Смотрят барышни кругом,
Сводня им гадает:
«Три десятки, туз червей
И король бубновый —
Спор, досада от речей
И притом обновы...

А по картам — ждать гостей
Надобно сегодня».
Вдруг стучатся у дверей:
Барышни и сводня
Встали, отодвинув стол,
Все толкнули целку,
Шепчут: «Катя, кто пришел?
Посмотри хоть в щелку».

Кто? Хороший человек...
Сводня с ним знакома,
Он с блядами целый век,
Он у них как дома.

Бляди в кухню руки мыть
Кинулись прыжками,
Обуваться, букли взбить,
Прыскаться духами.

Сводня гостя между тем
Ласково встречает,
Просит лечь его совсем.
Он же вопрошает:
«Что, как торг идет у вас?
Выручки довольно?»
Сводня за щеку взялась
И вздохнула больно:

«Хоть бывало худо мне,
Но такого горя
Не видала и во сне,
Хоть бежать за море.
Верите ль, с Петрова дня
Ровно до субботы
Все девицы у меня
Были без работы.

Четверых гостей, гляжу,
Бог мне посылает.
Я блядей им вывожу,
Каждый выбирает.
Прое..... они всю ночь,
Кончили, и что же?
Не платя пошли все прочь,
Господи, мой боже!»

Гость ей: «Право, мне вас жаль.
Здравствуй, друг Анета,
Что за шляпка! что за шаль,
Подойди, Жанета.
А, Луиза, — поцелуй,
Выбрать, так обидишь;
Так на всех и встанет х...,
Только вас увидишь».

«Что же, — сводня говорит, —
Хочете ль Жанету?
У нее п... горит.
Иль возьмете эту?»
Бедной сводне гость в ответ:
«Нет, не беспокойтесь,
Мне охоты что-то нет,
Девушки, не бойтесь».

Он ушел — все стихло вдруг,
Сводня приуныла,
Дремлют девушки вокруг,
Свечка вся оплыла.
Сводня карты вновь берет,
Молча вновь гадает,
Но никто, никто нейдет —
Сводня засыпает.

НА К. ДЕМБРОВСКОГО

Когда смотрюсь я в зеркала,
То вижу, кажется, Эзопа,
Но стань Дембровский у стекла,
Так вдруг покажется там ж...па.

1819–1820

**КРАСАВИЦЕ,
КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК**

Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных,
Тюльпанов, гордо наклоненных,
Душистых ландышей, ясминов и лилей,
Которых ты всегда любила
И прежде всякой день носила
На мраморной груди твоей, —
Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!..
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зеленую,
Искусством превращенную
В пушистый порошок! —
Пускай уже седой профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшись дугой,
Вперив в латинщину глубокой разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой;
Пускай молодой драгун усатый
Поутру, сидя у окна,
С остатком утреннего сна,
Из трубки пенковой дым гонит сероватый;
Пускай красавица шестидесяти лет,

У Граций в отпуску, и у любви в отставке,
Которой держится вся прелесть на подставке,
Которой без морщин на теле места нет,
 Злословит, молится, зевает
И с верным табаком печали забывает, —
А ты, прелестная!.. но если уж табак
Так нравится тебе — о пыл воображенья! —
 Ах! если, превращенный в прах,
 И в табакерке, в заточенье,
Я в персты нежные твои попасться мог,
 Тогда б в сердечном восхищенье
Рассыпался на грудь под шелковый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.
 Не будет этого никак.
 Судьба завистливая, злая!
 Ах, отчего я не табак!...

1817

* * *

Орлов с Истоминой в постеле
В убогой наготе лежал.
Не отличился в жарком деле
Непостоянный генерал.
Не думав милого обидеть,
Взяла Лаиса микроскоп
И говорит: «Позволь увидеть,
Чем ты меня, мой милый, е...».

Гаврилиада

ГАВРИЛИАДА

Поэма

Воистину еврейки молодой
Мне дорого душевное спасенье.
Приди ко мне, прелестный ангел мой,
И мирное прими благословенье.
Спасти хочу земную красоту!
Любезных уст улыбкою довольный,
Царю небес и Господу-Христу
Пою стихи на лире богомольной.
Смиранных струн, быть может, наконец
Ее пленят церковные напевы,
И Дух Святой сойдет на сердце девы;
Властитель он и мыслей и сердец.

Шестнадцать лет, невинное смиренье,
Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...
Зачем же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты, право, обманулась:
Я не тебя, — Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима,
Вдали забав и юных волокит
(Которых бес для гибели хранит),
Красавица, никем еще не зрима,
Без прихотей вела спокойный век.
Ее супруг, почтенный человек,
Седой старик, плохой столяр и плотник,
В селенье был единственный работник.
И день и ночь, имея много дел
То с уровнем, то с верною пилою,
То с топором, не много он смотрел
На прелести, которыми владел,
И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процвести.
Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил еврейкой,
Ее кормил — и больше ничего.

Но, братие, с небес во время оно
Всевышний Бог склонил приветный взор
На стройный стан, на девственное лоно
Рабы своей — и, чувствуя задор,
Он положил в премудрости глубокой
Благословить достойный вертоград,
Сей вертоград, забытый, одинокой,
Щедротю таинственных наград.

Уже поля немая ночь объемлет;
В своем углу Мария сладко дремлет.

Всевышний рек, — и деве снится сон:
Пред нею вдруг открылся небосклон
Во глубине своей необозримой;
В сиянии и славе нестерпимой
Тьмы ангелов волнуются, кипят,
Бесчисленны летают серафимы,
Струнами арф бряцают херувимы,
Архангелы в безмолвии сидят,
Главы закрыв лазурными крылами, —
И, яркими одеян облаками,
Предвечного стоит пред ними трон.
И светел вдруг очам явился он...
Все пали ниц... Умолкнул арфы звон.

Склонив главу, едва Мария дышит,
Дрожит как лист и голос Бога слышит:
«Краса земных любезных дочерей,
Израиля надежда молодая!
Зову тебя, любовию пылая,
Причастница ты славы будь моей:
Готовь себя к неведомой судьбине,
Жених грядет, грядет к своей рабыне!»

Вновь облаком оделся Божий трон;
Восстал духов крылатый легион,
И раздались небесной арфы звуки...
Открыв уста, сложив умильно руки,
Лицу небес Мария предстоит.
Но что же так волнует и манит
Ее к себе внимательные взоры?
Кто сей в толпе придворных молодых

THE GARDEN OF EDEN
ADAM AND EVE
THE TREE OF LIFE
THE TREE OF KNOWLEDGE
THE SNAKE
THE ANGEL
THE DEVIL

С нее очей не сводит голубых?
Пернатый шлем, роскошные уборы,
Сиянье крил и локонов златых,
Высокий стан, взор темный и стыдливый —
Всё нравится Марии молчаливой.
Замечен он, один он сердцу мил!
Гордись, гордись, архангел Гавриил!
Пропало всё. — Не внемля детской пени,
На полотне так исчезают тени,
Рожденные в волшебном фонаре.

Красавица проснулась на заре
И нежилась на ложе томной лени.
Но дивный сон, но милый Гавриил
Из памяти ее не выходил.
Царя небес пленить она хотела,
Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела, —
Но Гавриил казался ей милей —
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант.
Что делать нам? судьба так приказала, —
Согласны в том невежда и педант.

Поговорим о странностях любви
(Другого я не смыслю разговора).
В те дни, когда от огненного взора
Мы чувствуем волнение в крови,
Когда тоска обманчивых желаний
Объемлет нас и душу тяготит,
И всюду нас преследует, томит

Предмет один и думы, и страданий, —
Не правда ли? в толпе молодых друзей
Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных страстей
Наречием восторгов переводим.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый миг небесных упоений
И к радости на ложе наслаждений
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего нам более желать, —
Чтоб оживить о ней воспоминанье,
С наперсником мы любим поболтать.
И ты, Господь! познал ее волненье,
И ты пылал, о Боже, как и мы.
Создателю постыло всё творенье,
Наскучило небесное моленье, —
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю Марию,
В унынии бессмертие влачу...
Где крылья? К Марии полечу
И на груди красавицы почию!...»
И прочее... всё, что придумать мог, —
Творец любил восточный, пестрый слог.
Потом, призвав любимца Гавриила,
Свою любовь он прозой объяснял.
Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,

В Меркурии архангела избрал,
Заметя в нем и ум, и дарованье, —
И вечерком к Марии подослал.
Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был счастлив;
Переносить записочки да вести
Хоть выгодно, но он самолюбив.
И славы сын, намеренье сокрыв,
Стал нехотя услужливый угодник
Царю небес... а по-земному — сводник.

Но, старый враг, не дремлет сатана!
Услышал он, шатаясь в белом свете,
Что Бог имел еврейку на примете,
Красавицу, которая должна
Спасти наш род от вечной муки ада.
Лукавому великая досада —
Хлопочет он. Всевышний между тем
На небесах сидел в унынье сладком,
Весь мир забыл, не правил он ничем —
И без него всё шло своим порядком.

Что ж делает Мария? Где она,
Иосифа печальная супруга?
В своем саду, печальных дум полна,
Проводит час невинного досуга
И снова ждет пленительного сна.
С ее души не сходит образ милый,
К архангелу летит душой унылой.
В прохладе пальм, под говором ручья
Задумалась красавица моя;

Не мило ей цветов благоуханье,
Не весело прозрачных вод журчанье...
И видит вдруг: прекрасная змия,
Приманчивой блистая чешуею,
В тени ветвей качается над нею
И говорит: «Любимица небес!
Не убегай, — я пленник твой послушный...»
Возможно ли? О, чудо из чудес!
Кто ж говорил Марии простодушной,
Кто ж это был? Увы, конечно, бес.

Краса змии, цветов разнообразность,
Ее привет, огонь лукавых глаз
Понравились Марии в тот же час.
Чтоб усладить молодого сердца праздность,
На сатане покоя нежный взор,
С ним завела опасный разговор:

«Кто ты, змия? По льстивому напеву,
По красоте, по блеску, по глазам —
Я узнаю того, кто нашу Еву
Привлечь успел к таинственному древу
И там склонил несчастную к грехам.
Ты погубил неопытную деву,
А с нею весь Адамов род и нас.
Мы в бездне бед невольно потонули.
Не стыдно ли?»
— «Попы вас обманули,
И Еву я не погубил, а спас!»
— «Спас! от кого?»
— «От Бога».

- «Враг опасный!»
- «Он был влюблен...»
- «Послушай, берегись!»
- «Он к ней пылал...»
- «Молчи!»
- «...любовью страстной,
Она была в опасности ужасной».
- «Змия, ты лжешь!»
- «Ей-богу!»
- «Не божись».
- «Но выслушай...»

Подумала Мария:

«Нехорошо в саду, наедине,
Украдкою внимать наветам змия,
И кстати ли поверить сатане?
Но царь небес меня хранит и любит,
Всевышний благ; он, верно, не погубит
Своей рабы, — за что ж? за разговор!
К тому же он не даст меня в обиду,
Да и змия скромна довольно с виду.
Какой тут грех? где зло? пустое, вздор!»
Подумала и ухо приклонила,
Забыв на час любовь и Гавриила.
Лукавый бес, надменно развернув
Гремучий хвост, согнув дугою шею,
С ветвей скользит — и падает пред нею;
Желаний огонь во грудь ее вдохнув,
Он говорит:

«С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, — историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!

Они должны, красавицы другие,
Завидовать огню твоих очей;
Ты рождена, о скромная Мария,
Чтоб изумлять Адамовых детей,
Чтоб властвовать над легкими сердцами,
Улыбкою блаженство им дарить,
Сводить с ума двумя-тремя словами,
По прихоти — любить и не любить...
Вот жребий твой. Как ты — младая Ева
В своем саду скромна, умна, мила,
Но без любви в унынии цвела;
Всегда одни, глаз-на-глаз, муж и дева
На берегах Эдема светлых рек
В спокойствии вели невинный век.
Скучна была их дней однообразность.
Ни рощи сень, ни молодость, ни праздность —
Ничто любви не воскрешало в них;
Рука с рукой гуляли, пили, ели,
Зевали днем, а ночью не имели
Ни страстных игр, ни радостей живых...
Что скажешь ты? Тиран несправедливый,
Еврейский Бог, угрюмый и ревнивый,

Адамову подругу полюбя,
Ее хранил для самого себя...
Какая честь и что за наслажденье!
На небесах, как будто в заточенье,
У ног его молился да молишь,
Хвали его, красе его дивись,
Взглянуть не смей украдкой на другого,
С архангелом тихонько молвить слово;
Вот жребий той, которую Творец
Себе возьмет в подруги наконец.
И что ж потом? За скуку, за мученье
Награда вся дьячков осиплых пенье,
Свечи, старух докучная мольба,
Да чад кадил, да образ под алмазом,
Написанный каким-то богомазом...
Как весело! Завидная судьба!

Мне стало жаль моей прелестной Евы.
Решился я, Создателю назло,
Разрушить сон и юноши, и девы.
Ты слышала, как всё произошло?
Два яблока, вися на ветке дивной
(Счастливый знак, любви символ призывный),
Открыли ей неясную мечту,
Проснулося неясное желанье;
Она свою познала красоту,
И негу чувств, и сердца трепетанье,
И юного супруга наготу!
Я видел их! любви — моей науки —
Прекрасное начало видел я.

В глухой лесок ушла чета моя...
Там быстро их блуждали взгляды, руки...
Меж милых ног супруги молодой,
Заботливый, неловкий и немой,
Адам искал восторгов упоенья,
Неистовым исполненный огнем,
Он вопрошал источник наслажденья
И, закипев душой, терялся в нем...
И, не страшась божественного гнева,
Вся в пламени, власы раскинув, Ева,
Едва, едва устами шевеля,
Лобзанием Адаму отвечала,
В слезах любви, в бесчувствии лежала
Под сенью пальм, — и юная земля
Любовников цветами покрывала.

Блаженный день! Увенчанный супруг
Жену ласкал с утра до темной ночи,
Во тьме ночной смыкал он редко очи,
Как их тогда украшен был досуг!
Ты знаешь: Бог, утехи прерывая,
Чету мою лишил навеки рая.
Он их изгнал из милой стороны,
Где без трудов они так долго жили
И дни свои невинно проводили
В объятиях ленивой тишины.
Но им открыл я тайну сладострастья
И младости веселые права,
Томленье чувств, восторги, слезы счастья,
И поцелуй, и нежные слова.

Скажи теперь: ужели я предатель?
Ужель Адам несчастлив от меня?
Не думаю, но знаю только я,
Что с Евою остался я приятель».

Умолкнул бес. Мария в тишине
Коварному внимала сатане.
«Что ж? — думала, — быть может, прав

лукавый;

Слыхала я: ни почестями, ни славой,
Ни золотом блаженства не купить;
Слыхала я, что надобно любить...
Любить! Но как, зачем и что такое?..»
А между тем вниманье молодое
Ловило всё в рассказах сатаны:
И действия, и странные причины,
И смелый слог, и вольные картины...
(Охотники мы все до новизны.)
Час от часу неясное начало
Опасных дум казалось ей ясней,
И вдруг змии как будто не бывало —
И новое явленье перед ней:
Мария зрит красавца молодого.
У ног ее, не говоря ни слова,
К ней устремив чудесный блеск очей,
Чего-то он красноречиво просит,
Одной рукой цветочек ей подносит,
Другую мнет простое полотно
И крадется под ризы торопливо,
И легкий перст касается игриво

До милых тайн... Всё для Марии диво,
Всё кажется ей ново, мудрено, —
А между тем румянец нестыдливый
На девственных ланитах заиграл —
И томный жар, и вздох нетерпеливый
Младую грудь Марии подымал.
Она молчит: но вдруг не стало мочи.
Закрылися блистательные очи,
К лукавому склонив на грудь главу,
Вскричала: ах!.. и пала на траву...

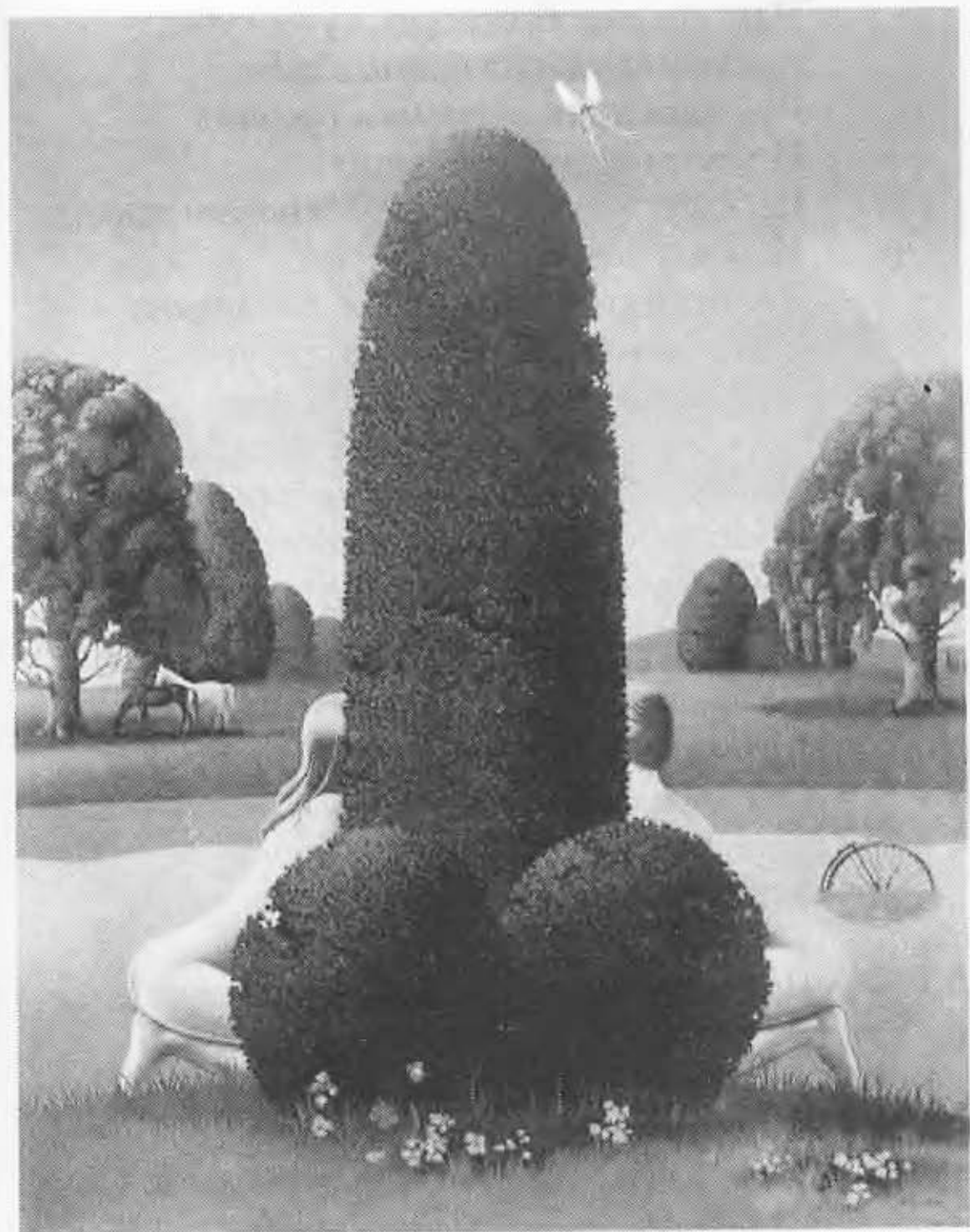
О милый друг! кому я посвятил
Мой первый сон надежды и желанья,
Красавица, которой был я мил,
Простишь ли мне мои воспоминанья?
Мои грехи, забавы юных дней,
Те вечера, когда в семье твоей,
При матери, докучливой и строгой,
Тебя томил я тайною тревогой
И просветил невинные красы?
Я научил послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы,
Бессонницы девическую муку.
Но молодость утрачена твоя,
От бледных уст улыбка отлетела.
Твоя краса во цвете помертвела...
Простишь ли мне, о милая моя!

Отец греха, Марии враг лукавый,
Ты стал и был пред нею виноват;

Ах, и тебе приятен был разврат...
И ты успел преступною забавой
Всевышнего супругу просветить
И дерзостью невинность изумить.
Гордись, гордись своей проклятой славой!
Спеши ловить... но близок, близок час!
Вот меркнет свет, заката луч угас.
Всё тихо. Вдруг над девой утомленной,
Шумя, парит архангел окриленный, —
Посол любви, блестящий сын небес.

От ужаса при виде Гавриила
Красавица лицо свое закрыла...
Пред ним восстав, смутился мрачный бес
И говорит: «Счастливец горделивый,
Кто звал тебя? Зачем оставил ты
Небесный двор, эфира высоты?
Зачем мешать утехе молчаливой,
Занятиям чувствительной четы?»
Но Гавриил, нахмуря взгляд ревнивый,
Рек на вопрос и дерзкий, и шутиливый:
«Безумный враг небесной красоты,
Повеса злой, изгнанник безнадежный,
Ты соблазнил красу Марии нежной
И смеешь мне вопросы задавать!
Беги сейчас, бесстыдник, раб мятежный,
Иль я тебя заставлю трепетать!»
— «Не трепетал от ваших я придворных,
Всевышнего прислужников покорных,
От сводников небесного царя!» —

THE GARDEN OF THE FUTURE

THE GARDEN OF THE FUTURE
BY HENRY GARDNER

Проклятый рек и, злобою горя,
Наморщив лоб, скосясь, кусая губы,
Архангела ударил прямо в зубы.
Раздался крик, шатнулся Гавриил
И левое колено преклонил;
Но вдруг восстал, исполнен новым жаром,
И сатану нечаянным ударом
Хватил в висок. Бес ахнул, побледнел —
И ворвались в объятия друг другу.
Ни Гавриил, ни бес не одолел:
Сплетенные, кружась идут по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединив крест-накрест ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотят увлечь друг друга за собой.

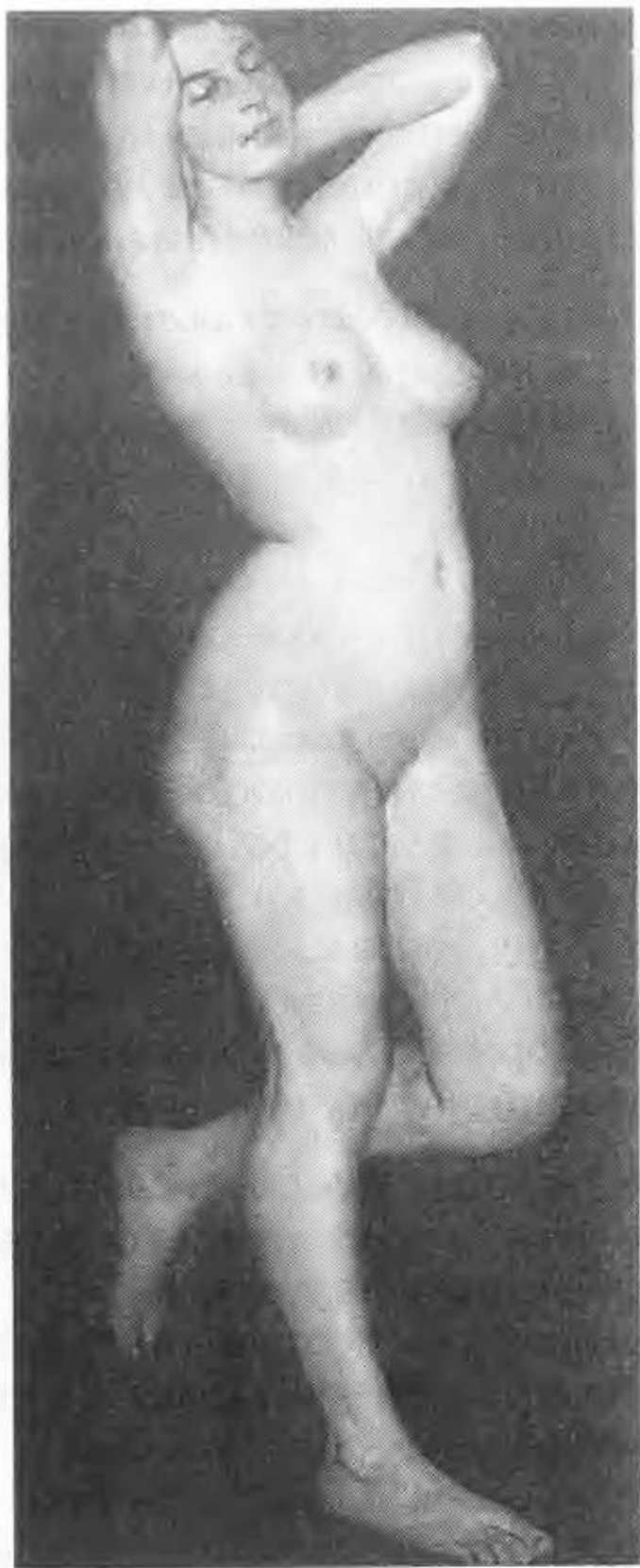
Не правда ли? вы помните то поле,
Друзья мои, где в прежни дни, весной,
Оставя класс, играли мы на воле
И тешились отважною борьбой.
Усталые, забыв и брань, и речи,
Так ангелы боролись меж собой.
Подземный царь, буян широкоплечий,
Вотще кряхтел с увертливым врагом
И, наконец, желая кончить разом,
С архангела пернатый сбил шелом,
Златой шелом, украшенный алмазом.
Схватив врага за мягкие власы,
Он сзади гнет могучею рукою
К сырой земле. Мария пред собою

Архангела зрит юные красы
И за него в безмолвии трепещет.
Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет;
По счастью, проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес грешил.
Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу.

На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядела чуть дыша;
Когда же к ней, свой подвиг соверша,
Приветливо архангел обратился,
Огонь любви в лице ее разлился
И нежностью исполнилась душа.
Ах, как была еврейка хороша!..

Посол краснел и чувства чужие
Так изъяснял в божественных словах:
«О, радуйся, невинная Мария!
Любовь с тобой, прекрасна ты в женах;
Стократ блажен твой плод благословенный
Спасет он мир и ниспровергнет ад...
Но, признаюсь, душою откровенный,
Отец его блаженнее стократ!»
И, перед ней коленопреклоненный,
Он между тем ей нежно руку жал...
Потупя взор, прекрасная вздыхала,
И Гавриил ее поцеловал.

Смутясь, она краснела и молчала,
Ее груди дерзнул коснуться он...
«Оставь меня!» — Мария прошептала,
И в тот же миг лобзаньем заглушен
Невинности последний крик и стон...

Что делать ей? Что скажет Бог ревнивый?
Не сетуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви,
Умеете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоков внимательные взоры
И на следы приятного греха
Невинности набрасывать уборы...
От матери проказливая дочь
Берет урок стыдливости покорной
И мнимых мук, и с робостью притворной
Играет роль в решительную ночь:
И поутру, оправясь понемногу,
Встает бледна, чуть ходит, так томна.
В восторге муж, мать шепчет: слава богу,
А старый друг стучится у окна.

Уж Гавриил с известием приятным
По небесам летит путем обратным.
Наперсника нетерпеливый Бог
Приветствием встречает благодатным:
«Что нового?» — «Я сделал всё, что мог;
Я ей открыл». — «Ну что ж она?» — «Готова!»
И царь небес, не говоря ни слова,
С престола встал и манием бровей

Всех удалил, как древний бог Гомера,
Когда смирял бесчисленных детей;
Но Греции навек погасла вера,
Зевеса нет, мы сделались умней!

Упоена живым воспоминаньем,
В своем углу Мария в тишине
Покоилась на смятой простыне.
Душа горит и негой, и желаньем,
Младую грудь волнует новый жар.
Она зовет тихонько Гавриила.
Его любви готовя тайный дар,
Ночной покров ногою отдалила,
Довольный взор с улыбкою склонила
И, счастлива в прелестной нагоде,
Сама своей дивится красоте.
Но между тем в задумчивости нежной
Она грешит, прелестна и томна,
И чашу пьет отрады безмятежной.
Смеешься ты, лукавый сатана!
И что же! вдруг мохнатый, белокрылый
В ее окно влетает голубь милый,
Над нею он порхает и кружит,
И пробует веселые напевы,
И вдруг летит в колени милой девы,
Над розою садится и дрожит,
Клюет ее, колышется, вертится,
И носиком, и ножками трудится.
Он, точно он! — Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;

Колени сжав, еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубь торжествует,
В жару любви трепещет и воркует,
И падает, объятый легким сном,
Приосеня цветок любви крылом.

Он улетел. Усталая Мария
Подумала: «Вот шалости какие!
Один, два, три! — как это им не лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же лень
Лукавому, архангелу и Богу».

Всевышний Бог, как водится, потом
Признал своим еврейской девы сына,
Но Гавриил (завидная судьбина!)
Не преставал являться ей тайком;
Как многие, Иосиф был утешен,
Он пред женой по-прежнему безгрешен,
Христа любил как сына своего,
За то Господь и наградил его!

Аминь, аминь! Чем кончу я рассказы?
Навек забыв старинные проказы,
Я пел тебя, крылатый Гавриил,
Смиренных струн тебе я посвятил
Усердное, спасительное пенье:
Храни меня, внемли мое моленье!
Досель я был еретиком в любви,
Младых богинь безумный обожатель,

Друг демона, повеса и предатель...
Раскаянье мое благослови!
Приемлю я намеренья благие,
Переменюсь: Елену видел я;
Она мила, как нежная Мария!
Подвластна ей навек душа моя.
Моим речам придай очарованье,
Понравиться поведай тайну мне,
В ее душе зажги любви желанье,
Не то пойду молиться сатане!
Но дни бегут, и время сединою
Мою главу тишком посеребрит,
И важный брак с любезною женою
Пред алтарем меня соединит.
Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклоня,
О рогачей заступник и хранитель,
Молю — тогда благослови меня,
Даруй ты мне беспечность и смиренье,
Даруй ты мне терпенье вновь и вновь,
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему любовь!

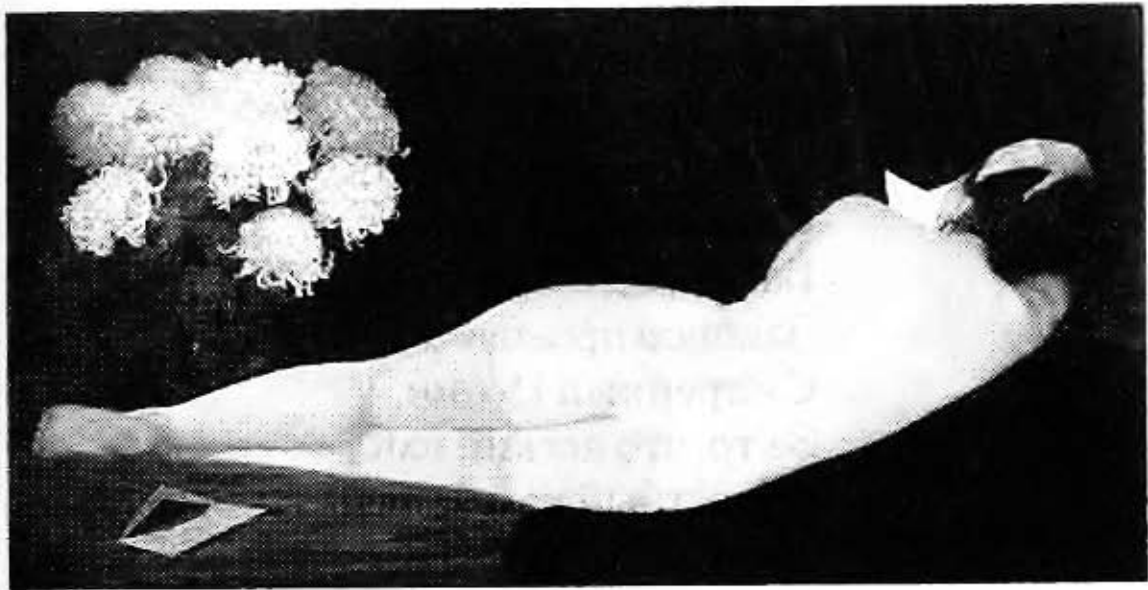

* * *

**Все изменилось под нашим зодиаком:
Лев козерогом стал, а дева стала раком.**

* * *

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом
И не видался я
Давно с моим Орестом.
Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник,
Смиренный Иоанн,
За то, что ясский пан,
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою —
И трус и грубиян —
Побит немножко мною,
И что бояр пугнул
Я новою тревогой, —
К моей канурке строгой
Приставил караул.

.....

Невинной суеты,
А именно — мараю

Небрежные черты,
Пишу карикатуры, —
Знакомых столько лиц, —
Восточные фигуры
Е...ливых куковиц
И их мужей рогатых,
Обритых и бородатых!

1822

АННЕ Н. ВУЛЬФ

Увы! напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезами только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет.
Она на щепочку нас...ет,
Но и понюхать не позволит.

1825

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

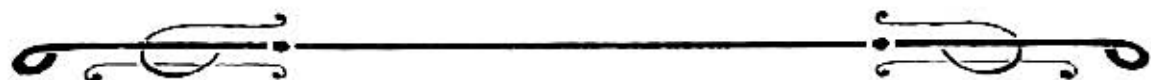
С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: — Пошел! е...ена мать!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега,
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

1823

ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ

Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром, конечно, грянет,
И – не найду твоих следов!
Падут, погибнут, пламенея,
И пестрый дом Варфоломея,
И лавки грязные жидов:
Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом.
Но с этим милым городком
Я Кишинев равнять не смею,
Я слишком с Библией знаком
И к лести вовсе не привычен.
Содом, ты знаешь, был отличен
Не только вежливым грехом,
Но просвещением, пирами,
Гостеприимными домами
И красотой нестрогих дев!
Как жаль, что ранними громами
Его сразил Еговы гнев!

В блистательном разврате света,
Хранимый богом человек
И член верховного совета,
Провел бы я смиренно век
В Париже Ветхого Завета!
Но в Кишиневе, знаешь сам,
Нельзя найти ни милых дам,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалею о твоей судьбе!
Не знаю, придут ли к тебе
Под вечер милых три красавца:
Однако ж кое-как, мой друг,
Лишь только будет мне досуг,
Явлюся я перед тобою;
Тебе служить я буду рад —
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель — пощади мои зад!

1823

ВИГЕЛЮ

Для чего, скажи мне, Вигель,
Шьет тебе штанишки Бригель
С гульфом позади?
«Для того он шьет их с гульфом,
Что, когда я буду с Вульфом,
Быть мне впереди».

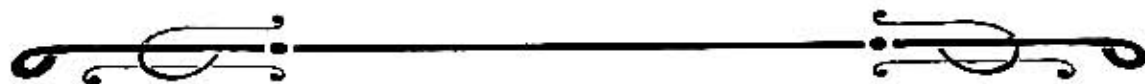
* * *

К кастрату раз пришел скрипач,
Он был бедняк, а тот богач.
«Смотри, — сказал певец безм...дый,
Мои алмазы, изумруды —
Я их от скуки разбирал.
А! кстати, брат, — он продолжал, —
Когда тебе бывает скучно,
Ты что творишь, сказать прошу».
В ответ бедняга равнодушно:
— Я? я м...де себе чешу.

1835

* * *

Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
Все роды славы: дым войны
И дух парнасского кадила.
Мы Прагой ей одолжены,
И просвещеньем, и Тавридой,
И посрамлением Луны,
И мы... прозвать должны
Ее Минервой, Аонидой.
В аллеях Сарского села
Она с Державиным, с Орловым
Беседы мудрые вела —
С Делиным — иногда с Барковым.
Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
С тех пор мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя удавленная слава
С Екатериной умерла.

1824

* * *

Ты просишь написать надгробную, Агафья?
Ляг, ноги протяни — я буду эпитафья.

* * *

«Сыны Отечества» и «Вестники Европы»
Полезны для ума, а более для ж...пы!

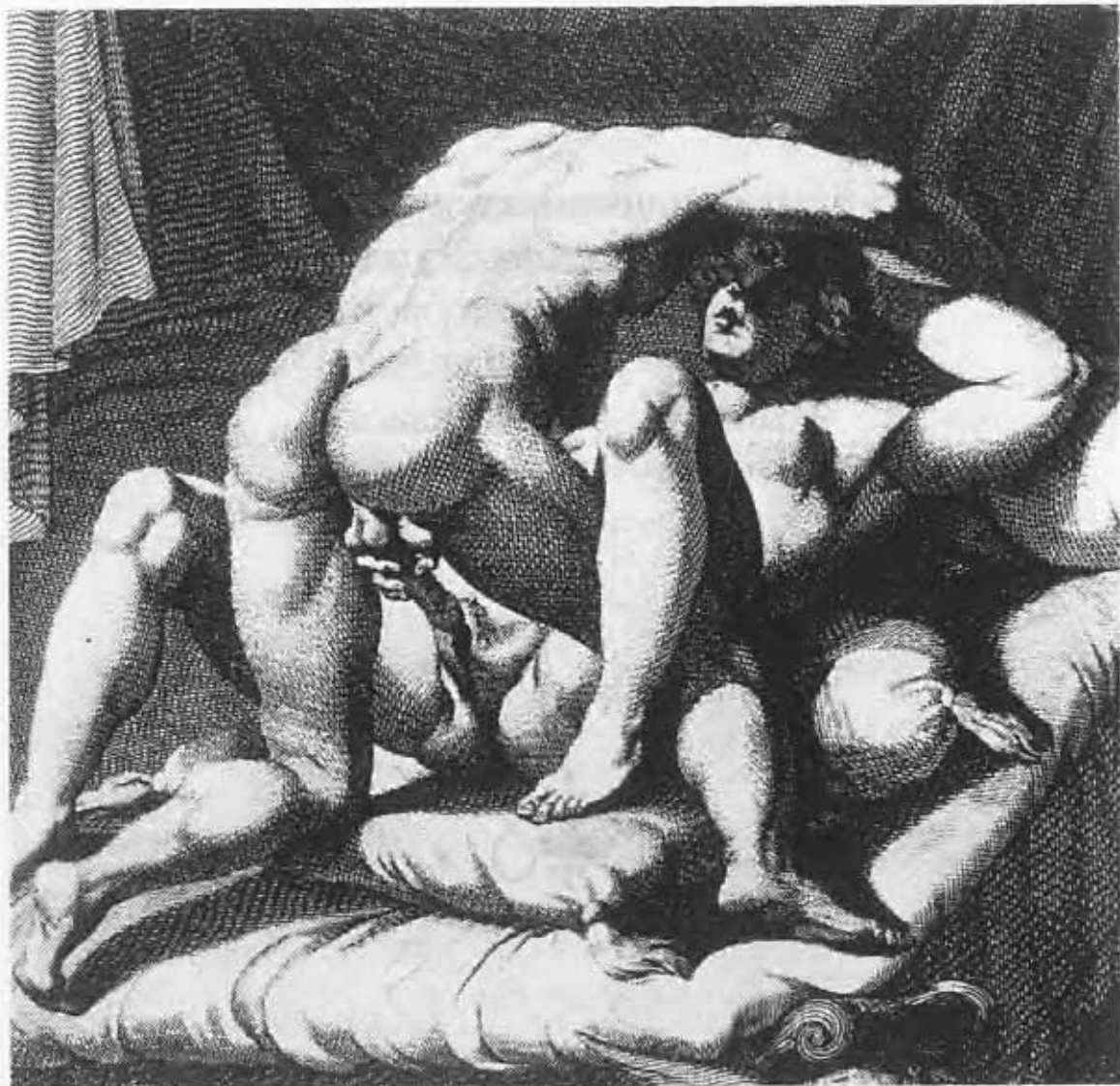

* * *

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что ж...па есть.

1835

ДЕЛЬВИГУ

Друг Дельвиг, мой парнасский брат,
Твоей я прозой был утешен,
Но признаюсь, барон, я грешен:
Стихам я больше был бы рад.
Ты знаешь сам: в минувши годы
Я на берегу парнасских вод
Любил марать поэмы, оды,
И даже зрел меня народ
На кукольном театре моды.
Бывало, что ни напишу,
Все для иных не Русью пахнет;
Об чем цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковский ахнет.
Теперь едва, едва дышу,
От воздержанья муза чахнет,
И редко, редко с ней грешу.

.....
К неверной славе я хладею;
И по привычке лишь одной
Лениво волочусь за нею,
Как муж за гордою женой.

Я позабыл ее обеты,
Одна свобода мой кумир,
Но все люблю, мои поэты,
Счастливый голос ваших лир.
Так точно, позабыв сегодня
Проказы младости своей,
Глядит с улыбкой ваша сводня
На шашни молодых б...ядей.

1821

* * *

Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
И хладный между тем зоил
Ей Каченовский застудил
Течение месячных изданий.

1825

ВИШНЯ

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.

Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.

Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки младые
Спешат к пастухам.

С журчаньем стремится
Источник меж гор,
Вдали золотится
Во тьме синий бор.

Пастушка младая
На рынок спешит
И вдаль, припевая,
Прилежно глядит.

Румянец играет
На полных щеках,
Невинность блистает
На робких глазах.

Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетом прикрыта
Вся прелесть груди,
Под фартуком скрыта
Приманка людей.

Пастушка приходит
В вишенник густой
И много находит
Плодов пред собой.

Хоть вид их прекрасен
Красотку манит,
Но путь к ним опасен —
Бедняжку страшит.

Подумав, решилась
Сих вишен поесть,
За ветвь ухватилась
На дерево взлезть.

Уже достигает
Награды своей

И робко ступает
Ногой меж ветвей.

Бери плод рукою —
И вишня твоя,
Но, ах! что с тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрела —
Спешит пастушок;
Нога ослабела,
Скользит башмачок.

И ветвь затрещала —
Беда, смерть грозит!
Пастушка упала,
Но, ах, какой вид.

Сучок преломленный
За платье задел;
Пастух удивленный
Всю прелесть узрел.

Среди двух прелестных
Белей снегу ног,
На сгибах чудесных
Пастух то зреть мог,

Что скрыто до время
У всех милых дам,
За что из эдема
Был изгнан Адам.

Пастушку несчастну
С сучка тихо снял
И грудь свою страстну
К красотке прижал.

Вся кровь закипела
В двух пылких сердцах,
Любовь прилетела
На быстрых крылах.

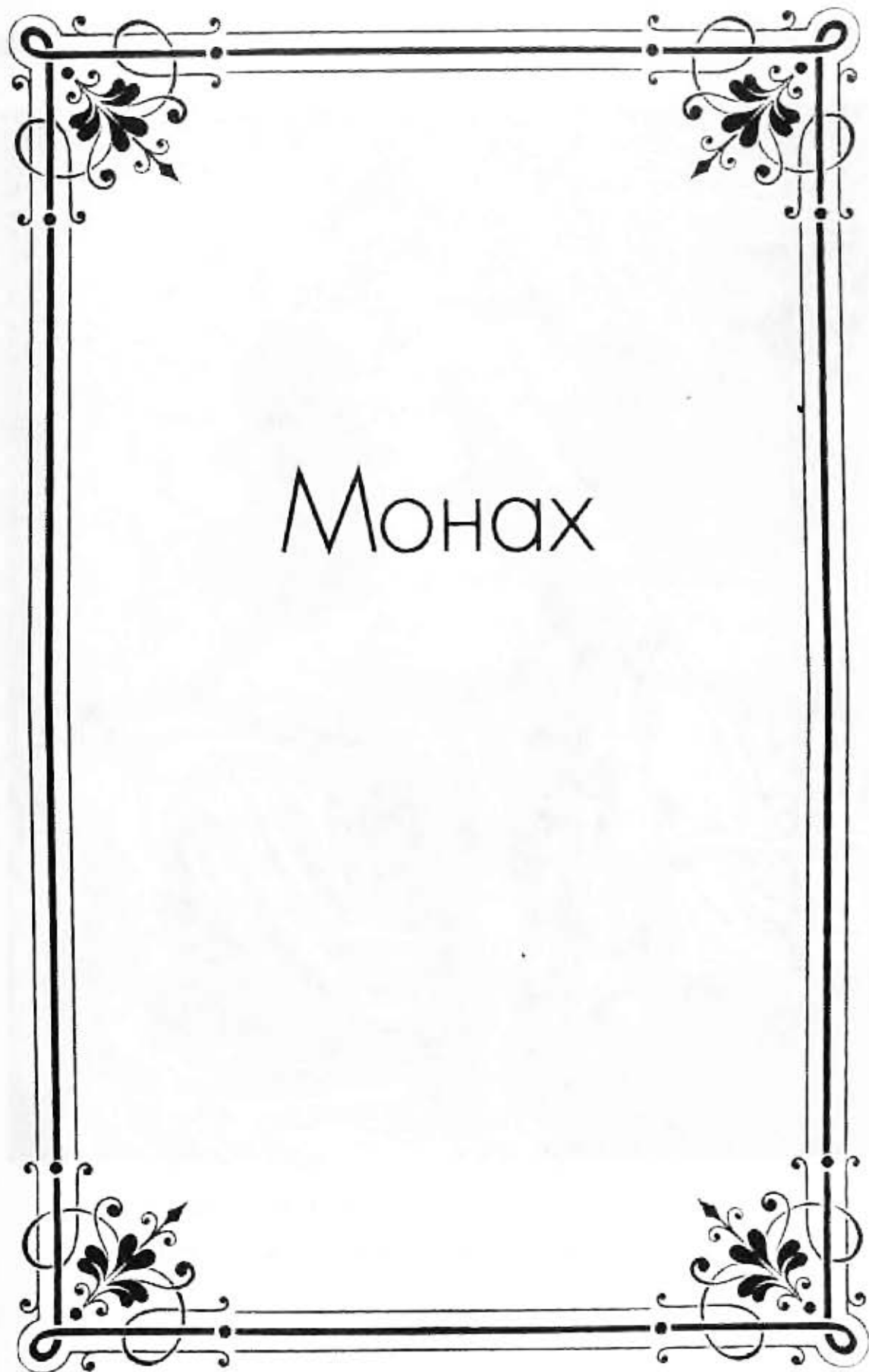
Утеха страданий
Двух юных сердец,
В любви ожиданий
Супругам венец.

Прельщенный красою,
Младой пастушок
Горячей рукою
Коснулся до ног.

И вмиг зарезвился
Амур в их ногах;
Пастух очутился
На полных грудях.

И вишню румяну
В соку раздавил,
И соком багряным
Траву окропил.

Монах

МОНАХ

Песнь первая

СВЯТОЙ МОНАХ, ГРЕХОПАДЕНИЕ, ЮБКА

Хочу воспеть, как дух нечистый Ада
Оседлан был брадатым стариком;
Как овладел он черным клобуком,
Как он втолкнул монаха грешных в стадо.

Певец любви, фернейской старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнаса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.
А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,

Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрипицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему», —
Нет, нет, Барков! скрипицы не возьму,
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом польется.

Невдалеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван-великой,
На голове златой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь; в глухих его стенах
Под старость лет один седой монах
Святым житьем, молитвами спасался
И дней к концу спокойно приближался.
Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад.
Имел кота, имел псалтирь и четки,
Клобук, стихарь да штоф зеленой водки.
Взошедши в дом, где мирно жил монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ваши взоры,
Там не висел Рафаэль на стенах.
Увидели б вы стул об трех ногах,
Да в уголке скамейка в пол-аршина,
На коей спал и завтракал монах.
Там пуховик над лавкой не вздувался.
Хотя монах, он в пухе не валялся
Меж двух простынь на мягких тюфяках.

Весь круглый год святой отец постился,
Весь божий день он в келье провождал,
«Помилуй мя» вполголоса читал,
Ел плотно, спал и всякой час молился.

А ты, монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый кармелит,
И ты стыдись, Печерской Лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель...
Но, лира! стой! — Далекое занесло
Уже меня противу рясок рвенья;
Бесить попов не наше ремесло.

Панкратий жил счастлив в уединеньи,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может.
И в тех местах, где черный сатана
Под стражею от злости когти гложет,
Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись —
Иной в Париж к плешивым Картезьянцам
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым итальянцам
Бургонского и макарони нес;
Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.

Fig

И слышал я, что будто старый поп,
Одной ногой уже вступивший в гроб,
Двух молодых венчал перед налоем.
Черт прибежал амуров с целым роем,
И вдруг дьячок на крылосе всхрапел,
Поп замолчал — на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела.
У жениха кровь сильно закипела,
А бес всех их к себе же в ад повел.

Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно монаха осветила.
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны.
Пришел Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.
Святой монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.
Бьет час, Молок не хочет отцепиться,
Бьет два, бьет три — нечистый все сидит.
«Уж будешь мой», — он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потер глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,
Зевнул опять и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Боброва стал читать.

Монах скучал, монах тому дивился.
Век не зевал, как Богу он молился.
Но — нет уж сил, кресты, псалтирь, слова, —
Всё позабыл; седая голова,
Как яблоко, по груди покатилась,
Со лбу рука в колени опустилась,
Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.

Несчастный! спи... Панкратий вдруг
проснулся,
Взад и вперед со страхом оглянулся,
Перекрестясь, с постели он встает,
Глядит вокруг — светильня нагорела;
Чуть слабый свет вокруг себя лиет;
Что-то в углу как будто забелело.
Монах идет — что ж? — юбку видит он.

«Что вижу я!.. иль это только сон? —
Вскричал монах, остолбенев, бледнея. —
Как! это что?..» — и, продолжать не смея,
Как вкопанный, пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смущался, трепетал.

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!

Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда, меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, вивась вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.

Иль, как Филон, за Хлоей побежав,
Прижать ее в объятия стремится,
Зеленый куст тебя вдруг удержав...
Она должна, стыдясь, остановиться.
Но поздно всё, Филон, ее догнав,
С ней на траву душистую валится.
И пламенна, дрожащая рука
Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает...
Она ему взор томный ослабляет,
И он... но нет; не смею продолжать.
Я трепещу, и сердце сильно бьется,
И, может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти льется.
Но наш монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен
И счастьем нимало не обижен).
Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался.

Песнь вторая

ГОРЬКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, СОН, СПАСИТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ.

Покамест ночь еще не удалилась,
Покамест свет лила еще луна,
Та юбка все еще была видна.
Как скоро ж твердь зарею осветилась,
От взоров вдруг сокрылась она.

А наш монах, увы, лишен покоя.
Уж он не спит, не гладит он кота,
Не помнит он церковного наоя,
Со всех сторон Панкратию беда.
«Как, — мыслит он, — когда и собачонки
В монастыре и духа нет моем,
Когда здесь ввек не видывал юбчонки,
Кто мог ее принести ко мне же в дом?
Уж мнится мне... прости, владыко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь сказать...

девчонки».

Монах краснел и, делать что, не знал.
Во всех углах, под лавками искал.
Все тщетно, нет, ни с чем старик остался,
Зато весь день, как бледна тень, таскался,
Не ел, не пил покойно и не спал.

Проходит день, и вечер, наступая,
Зажег везде лампы и свечи.
Уже монах, с главы клобук снимая,

Ложился спать. — Но только что лучи
Луна с небес в окно его пустила
И юбку вдруг на лавке осветила,
Зажмурился встревоженный монах
И, чтоб не впасть кой-как во искушенье,
Хотел уже навек лишиться зренья,
Лишь только бы на юбку не смотреть.
Старик кряхтя на бок перевернулся
И в простыню тепленько завернулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.

Тотчас Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустился.
Монах храпит и чудный видит сон.

Казалось ему, что среди долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него сатиров, фавнов сонм.
Иной смеясь льет в кубок пенны вины;
Зеленый плющ на черных волосах,
И виноград на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий, —
Все говорит, что вечно юный Вакх,
Веселья бог, сатира покровитель.
Другой, надув пастушечью свирель,
Поет любовь, и сердца повелитель
Одушевлял его веселу трель.
Под липами там пляшут хороводом

L'ATTAQUE
VIGoureuse.

Толпы детей, и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сводом,
В густой тени развесистых деревьев,
На ложе роз, любовью распаленны,
Чуть-чуть дыша, весельем истощенны,
Средь радостей и сладостных прохлад,
Обнявшись, любовники лежат.

Монах на все взирал смятенным оком,
То на стакан он взоры обращал,
То на девиц глядел чернец со вздохом,
Плешивый лоб с досадою чесал —
Стоя, как пень, и рот в сажень разинув.
И вдруг, в душе почувствовав кураж
И набекрень, взъярясь, клубук надвинул,
В зеленый лес, как белоусый паж,
Как легкий конь, за девкою погнался.

Быстрее орла, быстрее звука лир
Прелестница летела, как зефир.
Но наш монах Эол пред ней казался,
Без отдыха за новой Дафной гнался.
«Не дам, — ворчал, — я промаха в кольцо».
Но леший вдруг, мелькнув из-за кусточка,
Панкратья хватить юбчонкою в лицо.
И вдруг исчез приятный вид лесочка.
Ручья, холмов и нимф не видит он;
Уж фавнов нет, вспорхнул и Купидон,
И нет следа красоточки прелестной.
Монах один в степи глухой, безвестной;
Нахмуря взор, темнеет небосклон,

Вдруг грянул гром, монаха поражает —
Панкратий: «Ах!..», и вдруг проснулся он.

Смущенный взор он всюду обращает:
На небесах, как яхонты, горя,
Уже восток румянила заря.
И юбки нет. — Панкратий встал, умылся,
И, помолясь, он плакать сильно стал,
Сел под окно и горько горевал.
«Ах! — думал он, — почто ты прогневился?
Чем виноват, владыко, пред тобой?
Как грешником, вертит нечистый мной.
Хочу не спать, хочу тебе молиться,
Возьму псалтирь, а тут и юбка вдруг.
Хочу вздремать и ночью сном забыться,
Что ж снится мне? смущается мой дух.
Услышь мое усердное моление,
Не дай мне впасть, Господь, во искушение!»
Услышал Бог молитвы старика,
И ум его в минуту просветился.
Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны претворился.
Обдумывал, смотрел, сличал, смекнул
И в радости свой опрокинул стул.
И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: «нашел! нашел!»
«Ну! — думал он, — от бесов и юбчонки
Избавлюсь я — и милые девчонки
Уже меня во сне не соблазнят.

Я заживу опять монах монахом,
Я стану ждать последний час со страхом
И с верою, и все пойдет на лад».
Так мыслил он — и очень ошибался.
Могущий рок, вселенной господин,
Панкратием, как куклой, забавлялся.

Монах водой наполнил свой кувшин,
Забормотал над ним слова молитвы
И был готов на грозны ада битвы.
Ждет юбки он — с своей же стороны
Нечистый дух весь день был на работе
И, весь в жару, в грязи, в пыли и поте,
Предупредить спешил восход луны.

Песнь третья

ПОЙМАННЫЙ БЕС

Ах, отчего мне дивная природа
Корреджио искусства не дала?
Тогда б в число парнасского народа
Лихая страсть меня не занесла.
Чернилами я не марал бы пальцы,
Не засорял бумагою чердак,
И за бюро, как девица за пядьцы,
Стихи писать не сел бы я никак.
Я кисти б взял бестрепетной рукою
И, выпив вмиг шампанского стакан,
Трудиться б стал я с жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Албан.

Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венки душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Киприды б пояс злат.
И кистью б был счастливей я стократ!

Иль краски б взял Вернета или Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина;
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышит ветерок,
На серебре, вкруг скал блестящей пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нем я Кантемиру,
Ее красы... и рад бы бросить лиру,
От чистых муз навеки удалясь,
Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плетью пустился.
Мартынов пусть пленяет кистью нас,
А я — я вновь взмогнул на Парнас.
Исполнившись иройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с бумагой
И стану вновь я песни продолжать.

Что делает теперь седой Панкратий?
Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налетают;

ALCIBIADE
ET GLYCERE.

Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звездочки блистают...
Уж и луна мелькнула сквозь лесов...
Ни жив ни мертв сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками.
И вдруг бела, как вновь напавший снег
Москвы-реки на каменистый берег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка...
Монах встает, как пламень покраснев,
Как модинки прелестной ала губка.
Схватил кувшин, весь гневом возгорев,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
«Ура! — вскричал монах с усмешкой злою, —
Поймал тебя, подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутыль, закупорю тебя,
Сейчас ее в колодезь брошу я.
Ага, Мамон! дрожишь передо мною».
— «Ты победил, почтенный старичок, —
Так отвечал смирнехонько Молок. —
Ты победил, но будь великодушен,

В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
Уж соблазнять тебя никак не стану».
— «Все так, все так, да полезай в бутыль,
Уж от тебя, мой друг, я не отстану,
Ведь плутни все твои я не забыл».
— «Прости меня, доволен будешь мною,
Богатства все польют к тебе рекою.
Как Банкова, я в знать тебя пущу,
Достану дом, куплю тебе кареты,
Придут к тебе в переднюю поэты;
Всех кланяться заставлю богачу,
Сниму клобук, по моде причешу.
Все променяв на длинный фрак с штанами,
Поскачешь ты гордиться жеребцами,
Народ, смеясь, колесами давить
И аглинской каретой всех дивить.
Поедешь ты потеть у Шиловского,
За ужином дремать у Горчакова,
К Нарышкиной подправлять жилет.
Потом всю знать (с министрами, с князьями
Ведь будешь жить, как с кровными друзьями)
Ты позовешь на пышный свой обед».
— «Не соблазнишь! тебя я не оставлю,
Без дальних слов сей час в бутыль иди».
— «Постой, постой, голубчик, погоди!
Я жен тебе и красных дев доставлю».
— «Проклятый бес! как? и в моих руках
Осмелился ты думать о женах!

Смотри какой! но нет, работник ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой.
За все про все готова уж награда,
Раскаешься, слугитель беса злой!»
— «Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.
Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Иерусалим».
При сих словах монах себя не вспомнил.
«В Ерусалим!» — дивясь, он бесу молвил.
— «В Ерусалим! — да, да, свезу тебя».
— «Ну, если так, тебя избавлю я».

Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Иерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.
Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берешь седло, берешь чепрак, узду.
Уж под тобой бодрится черт проклятый,
Готовится на адскую езду.
Лети, старик, сев на плеча Молока,
Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спеши в священный град востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный Ад дорога широка.

ЭПИГРАММА

Оставя честь судьбе на произвол,
Давыдова, живая жертва фурий,
От малых лет любила чуждый пол,
И вдруг беда! казнит ее Меркурий;
Раскаяться приходит ей пора,
Она лежит, глаз пухнет понемногу,
Вдруг лопнул он; что ж дама? — «Слава богу!
Всё к лучшему: вот новая дыра!»

* * *

От меня вечер Леила
Равнодушно уходила.
Я сказал: «Постой, куда?»
А она мне возразила:
«Голова твоя седа».
Я насмешнице нескромной
Отвечал: «Всему пора!
То, что было мускус темной,
Стало нынче камфора».
Но Леила неудачным
Посмеялася речам
И сказала: «Знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам».

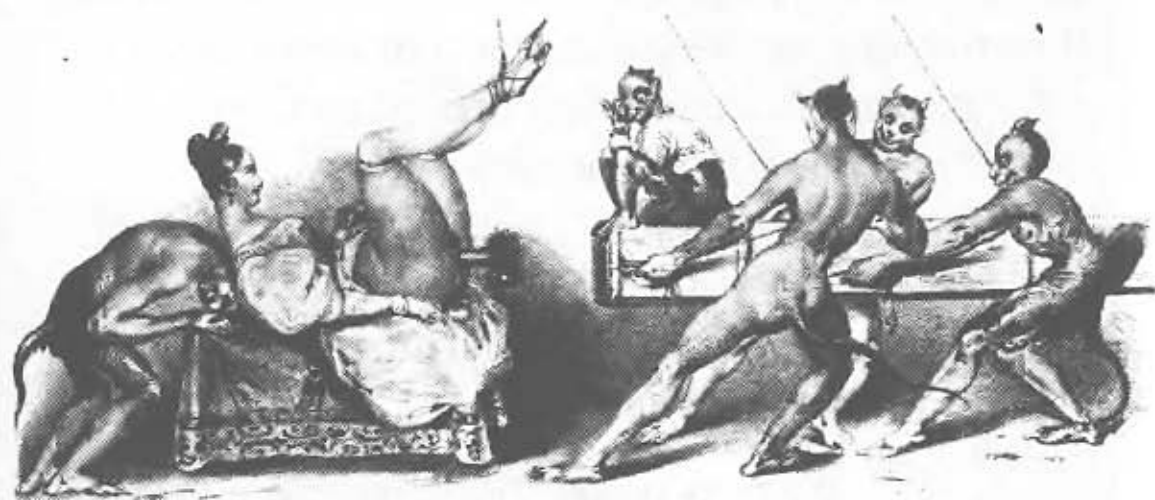

ОНА

«Печален ты; признайся, что с тобой». —
«Люблю, мой друг!» — «Но кто ж тебя пленила?» —
«Она». — «Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лиля?» —
«О нет!» — «Кому ж ты жертвуешь душой?» —
«Ах! ей!» — «Ты скромн, друг сердечной!
Но почему ж ты столько огорчен?
И кто виной? Супруг, отец, конечно...» —
«Не то, мой друг!» — «Но что ж?» — «Я ей не он».

ЛЕДА

Кантата

Средь темной рощицы, под тенью лип душистых,
В высоком тростнике, где частым жемчугом
 Вздучалась пена вод серебристых,
 Колелясь тихим ветерком,
 Покров красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежал,
И прелести ее поток волной игривой
 С весельем орошал.

Житель роши торопливый,
Будь же скромн, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Изменить страшитесь ей!

Леда робостью трепещет,
Тихо дышит снежна грудь,
Ни волна вокруг не плещет,
Ни зефир не смеет дуть.

В роще шорох утихает,
Всё в прелестной тишине;
Нимфа далее ступает,
Робкой вверившись волне.

Но что-то меж кустов прибрежных восшумело,
И чувство робости прекрасной овладело;
Невольно вздрогнула, не в силах воздохнуть.
И вот пернатых царь из-под склоненной ивы,
 Расправя крылья горделивы,
К красавице плывет — веселья полна грудь;
С шумящей пеною отважно волны гонит,
 Крылами воздух бьет,
 То в кольца шею вьет,
То гордую главу, смирясь, пред Ледой клонит.

Леда смеется —
Вдруг раздается
Радости клик.
Вид сладострастный!
К Леде прекрасной
Лебедь приник.
Слышно стенанье,
Снова молчанье.
Нимфа лесов
С негою сладкой
Видит украдкой
Тайну богов.

Опомнясь наконец, красавица младая
Открыла тихий взор, в томленьях воздыхая,
И что ж увидела? — На ложе из цветов
Она покоится в объятиях Зевеса;
 Меж ними юная любовь, —
И пала таинства прелестного завеса.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты!
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды:

В темной рощице таится
Часто пламенный Эрот;
С холодной струйкою катится,
Стрелы прячет в пене вод.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты!
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды.

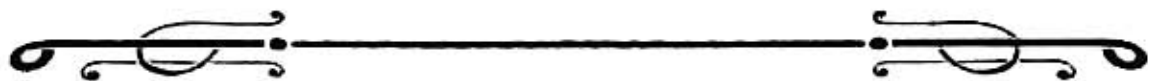

САФО

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

**ДВЕ НАДПИСИ К КАРТИНКАМ
из «Евгения Онегина»,
приложенным
к «Невскому альманаху»**

I

Вот перешедши мост Какушкин,
Опершись ж...пой о гранит,
Сам Александр Сергеевич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодезь, милый мой!

II

Пупок чернеет сквозь рубашку,
Наружу титька — милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит:

Она затем поутру встала
При бледных месяца лучах
И на подтирку изорвала
Конечно «Невский альманах».

1829

ПРОЗЕРПИНА

Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла, и колесница
Уж к аиду их несет:
Мчатся, облаком одеты;
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные берега.

Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца,
Повинуется желаньям,
Предаёт его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет
И молчит и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит,
И счастливца за собой
Из Элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА

Откуда чудный шум, неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны и тимпан?

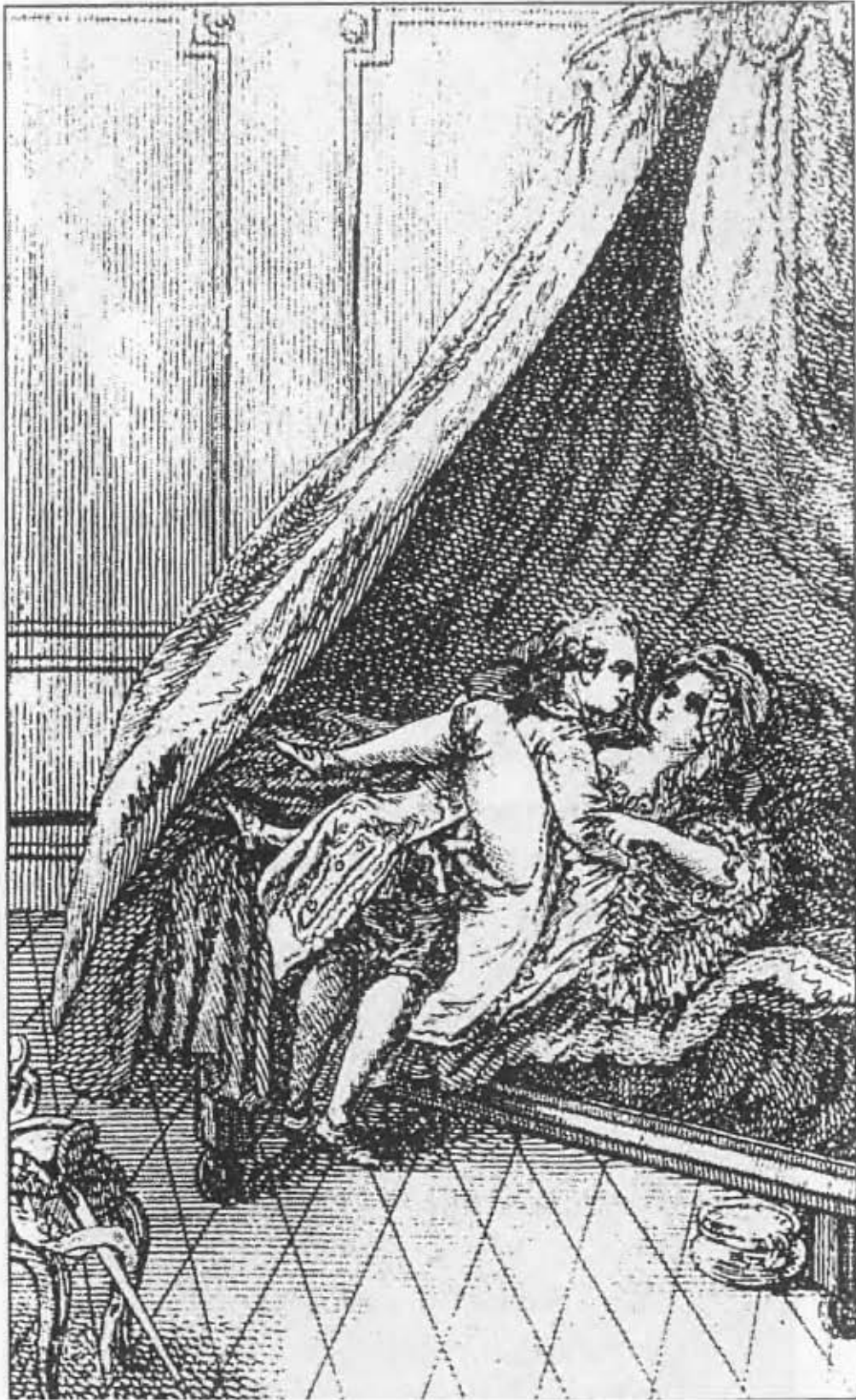
Что значат радостные лики
И песни поселян?

В их круге светлая свобода
Прияла праздничный венок.
Но двинулись толпы народа...

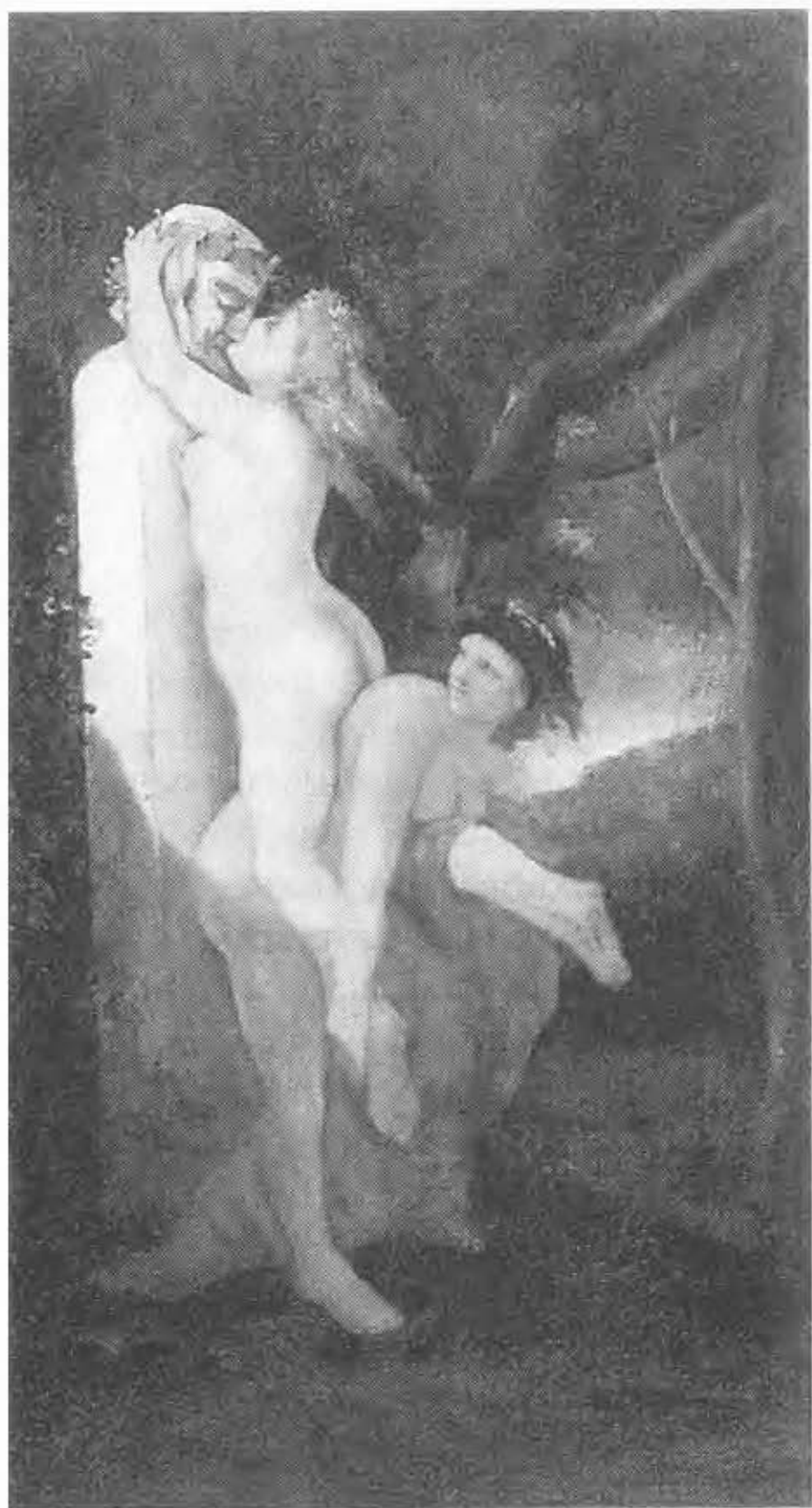
Он приближается... Вот он, вот сильный бог!
Вот Бахус мирный, вечно юный!
Вот он, вот Индии герой!
О радость! Полные тобой,
Дрожат, готовы грянуть струны
Не лицемерною хвалой!..

Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Вот он! вот Вакх! О час отрадный!
Державный тирс в его руках;

Венец желтеет виноградный
В чернокудрявых волосах...
Течет. Его молодые тигры
С покорной яростью влекут;
Кругом летят эроты, игры —
И гимны в честь ему поют.
За ним теснится козлоногий
И фавнов и сатиров рой,
Плющом опутаны их роги;
Бегут смятенною толпой
Вослед за быстрой колесницей,
Кто с тростниковою цевницей,
Кто с верной кружкой своей;
Тот, оступившись, упадает
И бархатный ковер полей
Вином багровым обливает
При диком хохоте друзей.
Там дале вижу дивный ход!
Звучат веселые тимпаны;
Младые нимфы и сильваны,
Составя шумный хоровод,
Несут недвижимого Силена —
Вино струится, брызжет пена,
И розы сыплются кругом;
Несут за спящим стариком
И тирс, символ победы мирной,
И кубок тяжко-золотой,
Венчанный крышкою сапфирной, —
Подарок Вакха дорогой.

Но воеет берег отдаленный.
Власы раскинув по плечам,
Венчанны гроздем, обнаженны,
Бегут вакханки по горам.

Тимпаны звонкие, кружась меж их перстами,
Гремят — и вторят их ужасным голосам.
Промчались, летят, свиваются руками,
Волшебной пляской топчут луг,
И младость пылкая толпами
Стекается вокруг.

Поют неистовые девы;
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;
Их перси дышат вождельем;
Их очи, полные безумством и томленьем,
Сказали: счастье лови!
Их вдохновенные движенья
Сперва изображают нам
Стыдливость милого смятенья,
Желанье робкое — а там
Восторг и дерзость наслажденья.
Но вот рассыпались — по холмам и полям;
Махая тирсами, несутся;
Уж издали их вопли раздаются,
И гул им вторит по лесам:
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, в сей день благословенный
Забвенью бросим суеты!
Теки, вино, струею пенной
В честь Вакха, муз и красоты!
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Граф
Нулин

ГРАФ НУЛИН

Поэма

Пора, пора! рога трубят;
Псарь в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.
Выходит барин на крыльцо;
Все, подбочась, обзревает,
Его довольное лицо
Приятной важностью сияет.
Чекмень затянутый на нем,
Турецкой нож за кушаком,
За пазухой во фляжке ром,
И рог на бронзовой цепочке.
В ночном чепце, в одном платочке,
Глазами сонными жена
Сердито смотрит из окна
На сбор, на псарную тревогу...
Вот мужу подвели коня;
Он холку хватить и в стремя ногу,
Кричит жене: не жди меня!
И выезжает на дорогу.

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкой снег
Да вой волков; но то-то счастье
Охотнику! Не зная нег,
В отъезде поле он гарцует,
Везде находит свой ночлег,
Бранится, мокнет и пирует
Опустошительный набег.

А что же делает супруга
Одна в отсутствии супруга?
Занятий мало ль есть у ней:
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обед и ужин,
В анбар и в погреб заглянуть, —
Хозяйки глаз повсюду нужен;
Он вмиг заметит что-нибудь.

К несчастью, героиня наша...
(Ах! я забыл ей имя дать.
Муж просто звал ее: Наташа,
Но мы — мы будем называть:
Наталья Павловна) к несчастью,
Наталья Павловна совсем
Своей хозяйственной частью
Не занималась; затем,
Что не в отеческом законе
Она воспитана была,

А в благородном пансионе
У эмигрантки Фальбала.

Она сидит перед окном;
Пред ней открыт четвертый том
Сентиментального романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двух семей.
Роман классической, старинный,
Отменно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Без романтических затей.

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругом мальчишки хохотали.
Меж тем печально, под окном,
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом.
Три утки полоскались в луже,
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор,
Погода становилась хуже —
Казалось, снег идти хотел...
Вдруг колокольчик зазвенел.

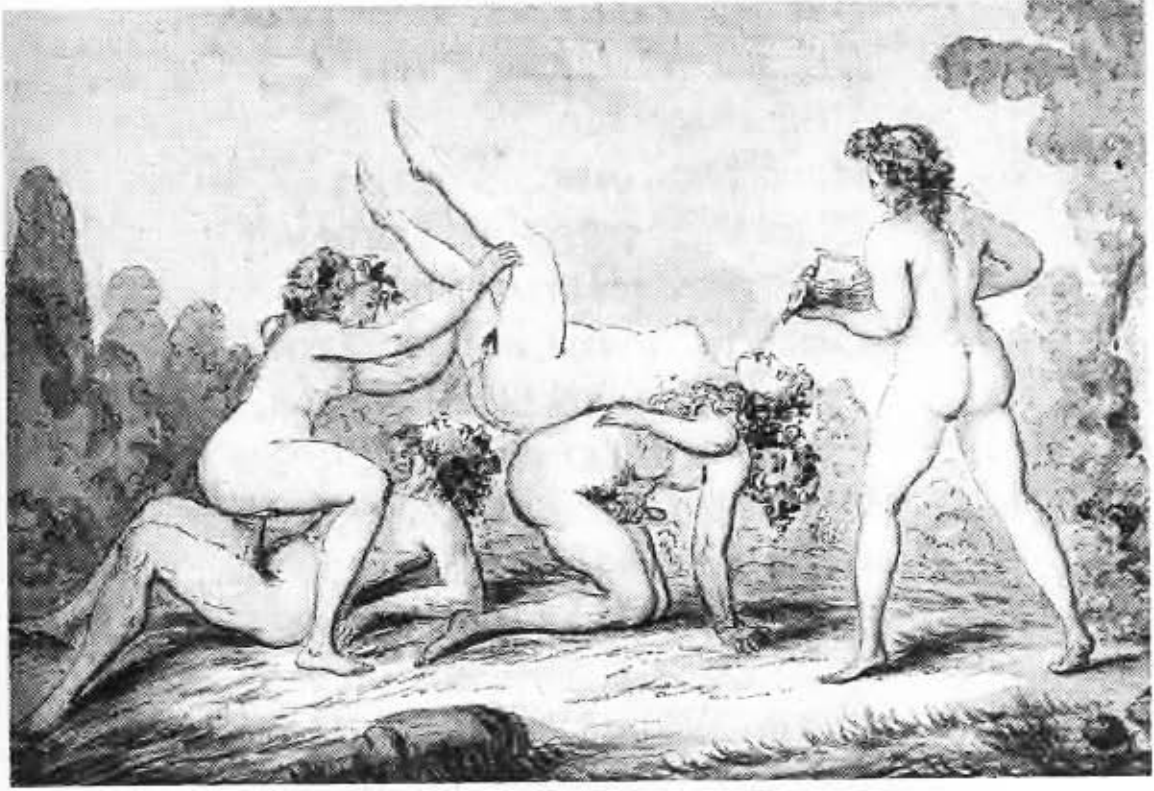
Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот, верно, знает сам,
Как сильно колокольчик дальный
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой?..
Уж не она ли?.. Боже мой!
Вот ближе, ближе... сердце бьется...
Но мимо, мимо звук несется,
Слабей... и смолкнул за горой.

Наталья Павловна к балкону
Бежит, обрадована звону,
Глядит и видит: за рекой,
У мельницы, коляска скачет.
Вот на мосту — к нам точно! нет;
Поворотила влево. Вслед
Она глядит и чуть не плачет.

Но вдруг — о радость! косогор;
Коляска на бок. — «Филька, Васька!
Кто там? скорей! вон там коляска.
Сейчас везти ее на двор
И барина просить обедать!
Да жив ли он? беги проведать,
Скорей, скорей!..»

Слуга бежит.

Наталья Павловна спешит
Взбить пышный локон, шаль накинуть,
Задернуть завес, стул подвинуть
И ждет. «Да скоро ль, мой творец?»
Вот едут, едут наконец.

Забрызганный в дороге дальней,
Опасно раненный, печальный,
Кой-как тащится экипаж.
Вслед барин молодой хромает.
Слуга-француз не унывает
И говорит: *allons, courage!*¹
Вот у крыльца, вот в сени входят.
Покамест барину теперь
Покой особенный отводят
И настежь отворяют дверь —
Пока Ricard шумит, хлопочет
И барин одеваться хочет,
Сказать ли вам, кто он таков?
Граф Нулин из чужих краев,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков *a jour*,²
С ужасной книжкой Гизота,
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер Скотта,
С *bon-mots*³ парижского двора,

¹ Ну, смелей! (фр.)

² Прозрачных (ажурных) (фр.)

³ Остротами (фр.)

С последней песней Беранжера,
С мотивами Россини, Пера,
*Et cetera, et cetera*¹.

Уж стол накрыт. Давно пора;
Хозяйка ждет нетерпеливо.
Дверь отворилась. Входит граф;
Наталья Павловна, привстав,
Осведомляется учтиво,
Каков он? что нога его?
Граф отвечает: ничего.
Идут за стол. Вот он садится,
К ней подвигает свой прибор
И начинает разговор,
Святую Русь бранит, дивится,
Как можно жить в ее снегах,
Жалеет о Париже страх...
«А что театр?» — О! сиротеет,
*C'est bien mauvais, ça fait pitié*².
Тальма совсем оглох, слабеет,
И мамзель Марс — увы! стареет...
Зато Потье, *le grand Potier*³!
Он славу прежнюю в народе
Доныне поддержал один. —
«Какой писатель нынче в моде?»
— *Всё d'Arincourt* и Ламартин. —

¹ И так далее, и так далее (фр.)

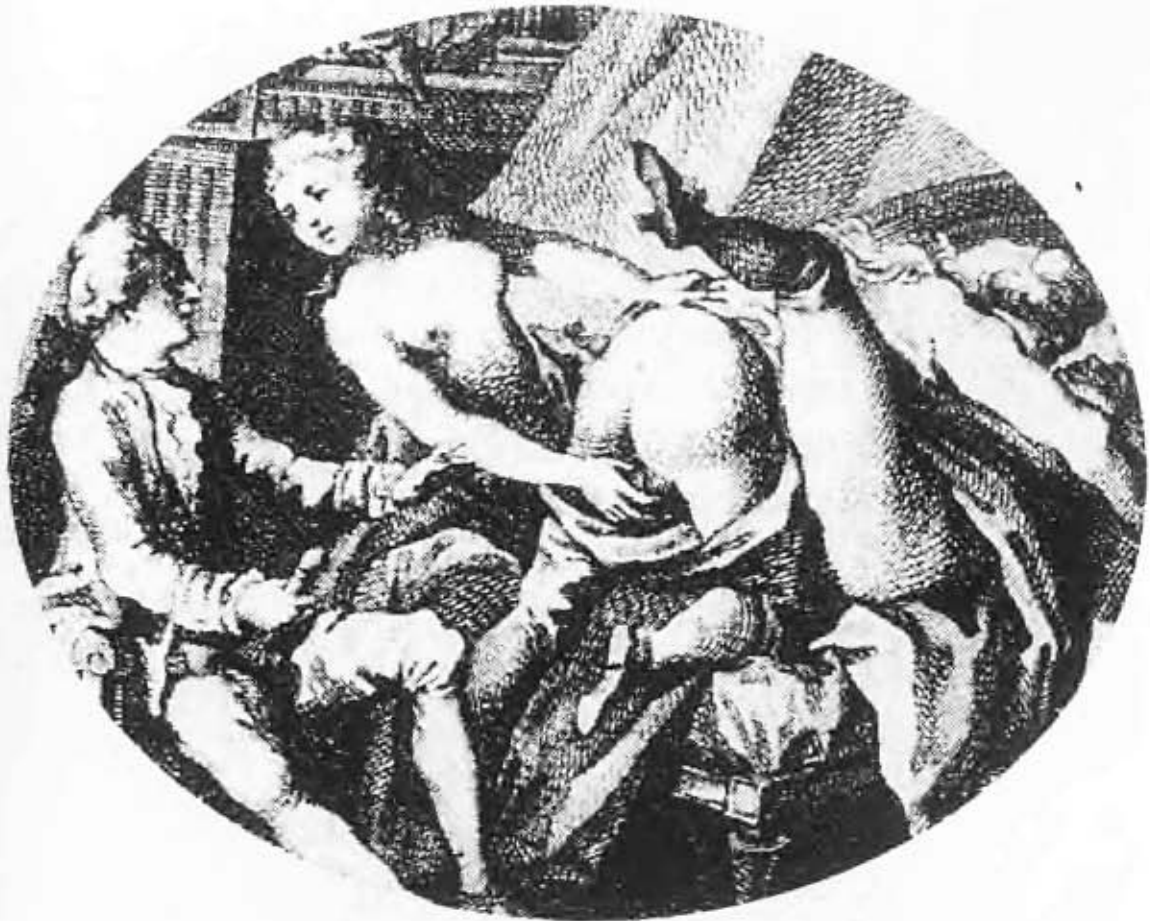
² Он очень плох, он просто жалок (фр.).

³ Великий Потье! (фр.)

«У нас им также подражают».
— Нет? право? так у нас умы
Уж развиваться начинают?
Дай бог, чтоб просветились мы! —
«Как тальи носят?» — Очень низко,
Почти до... вот по этих пор.
Позвольте видеть ваш убор...
Так: рюши, банты... здесь узор...
Все это к моде очень близко. —
«Мы получаем Телеграф».
— Ага!.. Хотите ли послушать
Прелестный водевиль? — И граф
Поет. «Да, граф, извольте ж кушать».
— Я сыт и так...

Из-за стола

Встают. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела.
Граф, о Париже забывая,
Дивится: как она мила!
Проходит вечер неприметно;
Граф сам не свой. Хозяйки взор
То выражается приветно,
То вдруг потуплен безответно...
Глядишь — и полночь вдруг на двор.
Давно храпит слуга в передней,
Давно поет петух соседний,
В чугунову доску сторож бьет;
В гостиной свечки догорели.
Наталья Павловна встает:
«Пора, прощайте: ждут постели.

Приятный сон!..» С досадой встав,
Полувлюбленный, нежный граф
Целует руку ей — и что же?
Куда кокетство не ведет?
Проказница — прости ей, боже! —
Тихонько графу руку жмет.

Наталья Павловна раздета;
Стоит Параша перед ней.
Друзья мои, Параша эта
Наперсница ее затей;
Шьет, моет, вести переносит,
Изношенных капотов просит,
Порою с барином шалит,
Порой на барина кричит
И лжет пред барыней отважно.
Теперь она толкует важно
О графе, о делах его,
Не пропускает ничего —
Бог весть, разведать как успела.
Но госпожа ей наконец
Сказала: «полно, надоела!» —
Спросила кофту и чепец,
Легла и выйти вон велела.

Своим французом между тем
И граф раздет уже совсем.
Ложится он, сигару просит,
Monsieur Ricard ему приносит
Графин, серебряный стакан,
Сигару, бронзовый светильник,

Щипцы с пружиною, будильник
И неразрезанный роман.

В постеле лежа, Вальтер Скотта
Глазами пробегает он.
Но граф душевно развлечен:
Неугомонная забота
Его тревожит; мыслит он:
«Неужто вправду я влюблен?
Что, если можно?.. вот забавно!
Однако ж это было б славно.
Я, кажется, хозяйке мил», —
И Нулин свечку погасил.

Несносный жар его объемлет,
Не спится графу. Бес не дремлет
И дразнит грешною мечтой
В нем чувства. Пылкой наш герой
Воображает очень живо
Хозяйки взор красноречивый,
Довольно круглый, полный стан,
Приятный голос, прямо женской,
Лица румянец деревенской —
Здоровье краше всех румян.
Он помнит кончик ножки нежной,
Он помнит: точно, точно так!
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; он дурак,
Он должен был остаться с нею —
Ловить минутную затею.
Но время не ушло. Теперь

Отворена, конечно, дверь...
И тотчас, на плеча накинув
Свой пестрый шелковый халат
И стул в потемках опрокинув,
В надежде сладостных наград,
К Лукреции Тарквиний новый
Отправился, на все готовый.

Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идет,
Полузажмурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап —
И вдруг бедняжку цап-царап.

Влюбленный граф в потемках бродит,
Дорогу ощупью находит.
Желаньем пламенным томим,
Едва дыханье переводит —
Трепещет, если пол под ним
Вдруг заскрыпит... вот он подходит
К заветной двери и слегка
Жмет ручку медного замка;
Дверь тихо, тихо уступает...
Он смотрит: лампа чуть горит
И бледно спальню освещает...
Хозяйка мирно почивает
Иль притворяется, что спит.

Он входит, медлит, отступает —
И вдруг упал к ее ногам...
Она... Теперь, с их позволенья,
Прошу я петербургских дам
Представить ужас пробужденья
Натальи Павловны моей
И разрешить, что делать ей?

Она, открыв глаза большие,
Глядит на графа — наш герой
Ей сыплет чувства выписные
И дерзновенною рукой
Коснуться хочет одеяла...
Совсем смутив ее сначала,
Но тут опомнилась она,
И гнева гордого полна,
А впрочем, может быть, и страха,
Она Тарквинию с размаха
Дает — пощечину. Да, да,
Пощечину, да ведь какую!

Сгорел граф Нулин от стыда,
Обиду проглотив такую.
Не знаю, чем бы кончил он,
Досадой страшною пылая —
Но шпиц косматый, вдруг залая,
Прервал Параши крепкой сон.
Услышав граф ее походку
И проклиная свой ночлег
И своенравную красотку,
В постыдный обратился бег.

Как он, хозяйка и Параша
Проводят остальную ночь,
Воображайте. Воля ваша,
Я не намерен вам помочь.

Восстав поутру молчаливо,
Граф одевается лениво,
Отделкой розовых ногтей,
Зевая, занялся небрежно,
И галстук вяжет неприлежно,
И мокрой щеткою своей
Не гладит стриженных кудрей.
О чем он думает — не знаю;
Но вот его позвали к чаю.

Что делать? Граф, преодолев
Неловкой стыд и тайный гнев,
Идет.

Проказница младая,
Насмешливый потупя взор
И губки алые кусая,
Заводит скромно разговор
О том, о сем. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
С улыбкой отвечает он.
Получаса не проходило,
Уж он и шутит очень мило,
И чуть ли снова не влюблен.
Вдруг шум в передней. Входят. Кто же?
«Наташа, здравствуй».

— Ах, мой боже...

Граф, вот мой муж. Душа моя,
Граф Нулин. —

«Рад сердечно я...

Какая скверная погода...
У кузницы я видел ваш
Совсем готовый экипаж...
Наташа! там у огорода
Мы затравили русака...
Эй! водки! Граф, прошу отведасть.
Прислали нам издалека...

Вы с нами будете обедать?»
— Не знаю, право; я спешу. —
«И, полно, граф, я вас прошу.
Жена и я, гостям мы рады.
Нет, граф, останьтесь!»

Но с досады

И все надежды потеряв,
Упрямится печальный граф.
Уж подкрепив себя стаканом,
Пикар кряхтит за чемоданом.
Уже к коляске двое слуг
Несут привинчивать сундук.
К крыльцу подвезена коляска,
Пикар все скоро уложил,
И граф уехал... Тем и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала

И подвиг графа моего
Всему соседству описала.
Но кто же более всего
С Натальей Павловной смеялся?
Не угадать вам. Почему ж?
Муж? — Как не так! совсем не муж.
Он очень этим оскорблялся,
Он говорил, что граф дурак,
Молокосос; что если так,
То графа он визжать заставит,
Что псами он его затравит.
Смеялся Лидин, их сосед,
Помещик двадцати трех лет.

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво.

1825

К НЕЙ

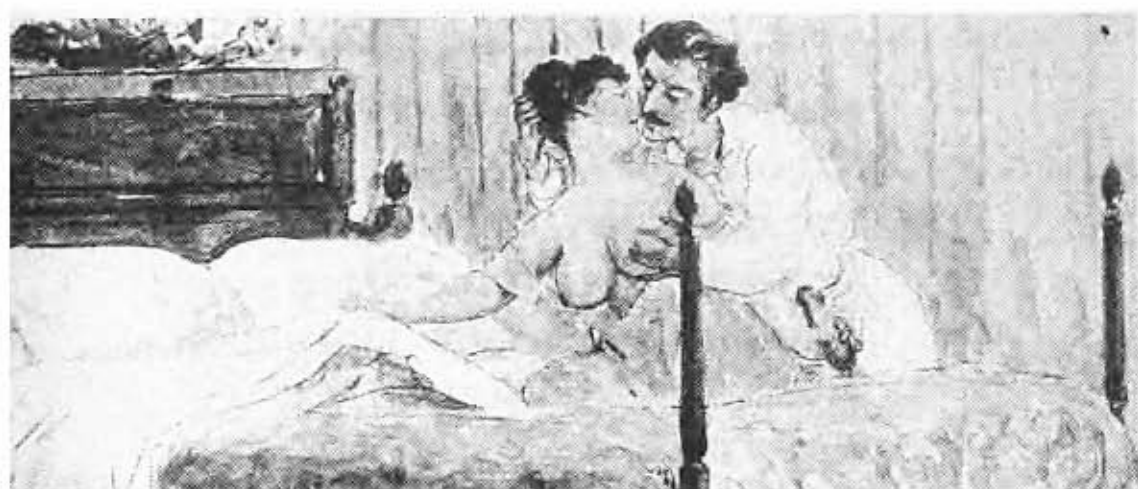
Эльвина, милый друг! приди, подай мне руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон;
Скажи, увижу ли... на долгую ль разлуку
Я роком осужден?

Ужели никогда на друга друг не взглянет?
Иль вечной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда нас утро не застанет
В объятиях любви?

Эльвина, почему в часы глубокой ночи
Я не могу тебя с весельем обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

И в радости немой, в восторгах наслажденья
Твой шепот сладостный и тихий стон внимать,
И тихо в скромной тьме для неги пробужденья
Близ милой засыпать?

К ЩЕРБИНИНУ

Житье тому, любезный друг,
Кто страстью глупою не болен,
Кому влюбиться недосуг,
Кто занят всем и всем доволен;
Кто Надиньку, под вечерок,
За тайным ужином ласкает
И жирный страсбургский пирог
Вином душистым запивает;
Кто, удалив заботы прочь,
Как верный сын пафосской веры,
Проводит набожную ночь
С молодой монашенкой Цитеры.
Поутру сладко дремлет он,
Читая листик «Инвалида»;
Весь день веселью посвящен,
А в ночь — вновь царствует Киприда.

И мы не так ли дни ведем,
Щербинин, резвый друг забавы,
С Амуром, шалостью, вином,
Покамест молоды и здоровы?
Но дни молодые пролетят,

Веселье, нега нас покинут,
Желаньям чувства изменят,
Сердца иссохнут и остынут.
Тогда — без песен, без подруг,
Без наслаждений, без желаний —
Найдем отраду, милый друг,
В туманном сне воспоминаний!
Тогда, качая головой,
Скажу тебе у двери гроба:
«Ты помнишь Фанни, милый мой?»
И тихо улыбнемся оба.

* * *

Как широко,
Как глубоко!
Нет, бога ради,
Позволь мне сзади.

<М.Е. ЭЙХФЕЛЬДТ>

Ни блеск ума, ни стройность платья
Не могут вас обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну вас пленить!
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня.
Одна моя надежда — Зоя:
Женюсь, и буду вам родня.

.....

Отрывки из стихотворения

«ФАВН И ПАСТУШКА»

I

С пятнадцатой весною,
Как лилия с зарею,
Красавица цветет;
Всё в ней очарованье:
И томное дыханье,
И взоров томный свет,
И груди трепетанье,
И розы нежный цвет.
Всё юность изменяет!
Уж Лилу не пленяет
Веселый хоровод;
Одна, у сонных вод,
В лесах она таится,
Вздыхает и томится,
И с нею там Эрот.
Когда же, ночью темной,
Ее в постеле скромной
Застанет тихий сон,
В полуночном молчаньи,
При месячном сияньи,

Слетает Купидон
С волшебницей мечтою,
И тихую тоскою
Исполнит сердце он —
И Лила в сновиденьи
Вкушает наслажденье
И шепчет: «О Филон!»

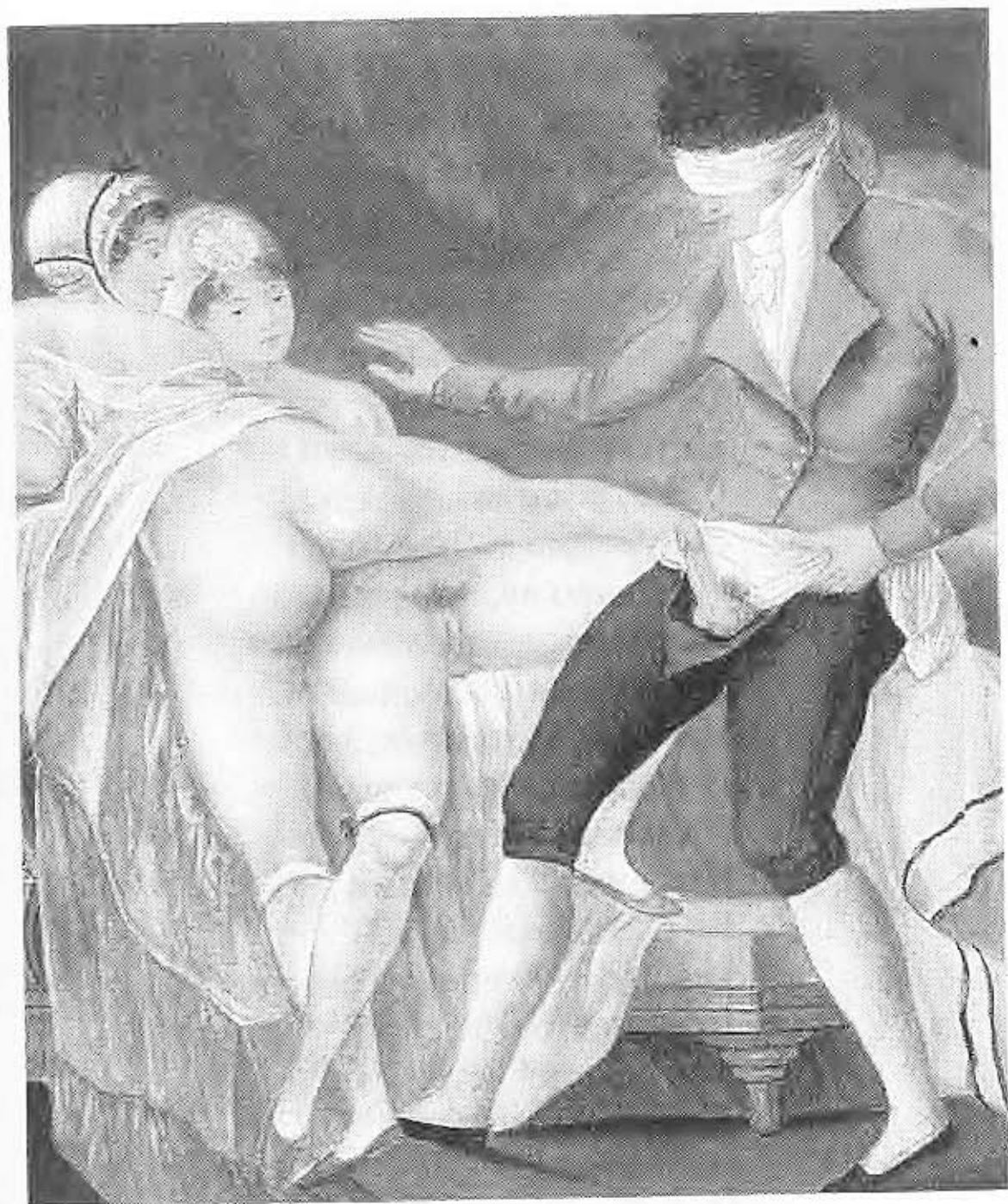
II

Кто там, в пещере темной,
Вечернею порой,
Окован ленью томной,
Покоится с тобой?
Итак, уж ты вкусила
Все радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волнение в крови,
И с трепетным смятеньем,
С пылающим лицом,
Ты дышишь упоеньем
Амура под крылом.
О жертва страсти нежной,
В безмолвии гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари!
Для вас поток игривый
Угрюмой тьмой одет
И месяц молчаливый
Туманный свет лиет;

Здесь розы наклонились
Над вами в темный кров,
И ветры притаились,
Где царствует любовь...

III

Но кто там, близ пещеры,
В густой траве лежит?
На жертвенник Венеры
С досадой он глядит;
Нагнулась меж цветами
Косматая нога,
Над грустными очами
Нависли два рога.
То Фавн, угрюмый житель
Лесов и гор крутых,
Докучливый гонитель
Пастушек молодых.
Любимца Купидона —
Прекрасного Филона
Давно соперник он...
В приюте сладострастья
Он слышит вздохи счастья
И неги томный стон.
В безмолвии несчастный
Страданья чашу пьет
И в ревности напрасной
Горючи слезы льет.
Но вот ночей царица

Скатилась за леса,
И тихая денница
Румянит небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавн в дремучий бор
Бежит сокрыть печали
В ущельях диких гор.

IV

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
«О, скоро ль, мрак ночной,
С прекрасною луной
Ты небом овладеешь?
О, скоро ль, темный лес,
В туманах засинеешь
На западе небес?»
Но шорох за кустами
Ей слышится глухой,
И вдруг — сверкнул очами,
Пред нею бог лесной!
Как вешний ветерочек,
Летит она в лесочек,
Он гонится за ней —
И трепетная Лила
Все тайны обнажила
Младой красы своей;

И нежна грудь открылась
Лобзаньям ветерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая над травой,
Пастушка робко дышит,
К реке летя стрелой,
Бег Фавна за собой
Всё ближе, ближе слышит.
Отчаянья полна,
Уж чувствует она
Огонь его дыханья...
Напрасны все старанья:
Ты Фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла;
Река — ее могила...
Нет! — Ли́ла спасена.

v

Эроты златокрылы
И нежный Купидон
На помощь юной Лилы
Летят со всех сторон;
Все бросили Цитеру,
И мирных сел Венеру
По трепетным волнам
Несут они в пещеру —
Любви пустынный храм.

Счастливец был уж там...
И вот уже с Филоном
Веселье пьет она,
И страсти тихим стоном
Прервалась тишина.
Спокойно дремлет Лила
На розах нег и сна,
И луч свой угасила
За облаком луна.

VI

Поникнув головою,
Несчастный бог лесов
Один с вечерней тьмою
Бродил у берегов:
«Прости, любовь и радость! —
Со вздохом молвил он, —
В печали тратить младость
Я роком осужден!»
Вдруг из лесу румяный,
Шатаясь, перед ним
Сатир явился пьяный
С кувшином круговым;
Он мутными глазами
Пути домой искал
И козьими ногами
Едва переступал;
Шел, шел и натолкнулся
На Фавна моего, —

Со смехом отшатнулся,
Склонился на него...
«Ты ль это, брат любезный?
Вскричал Сатир седой, —
В какой стране безвестной
Я встретился с тобой?»
— «Ах! — молвил Фавн уныло, —
Завяли дни мои!
Всё, всё мне изменило,
Несчастен я в любви».
— «Что слышу? От Амура
Ты страждешь и грустишь,
Малютку-бедокура
И ты боготворишь?
Возможно ль? Так забвенье
В кувшине почерпай
И чашу в утешенье
Наполни через край!»
И пена засверкала
И на краях шипит,
И с первого фиала —
Амур уже забыт.

VII

Кто ж, дерзостный, владеет
Твоею красотой?
Неверная, кто смеет
Пылающей рукой

Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать
И с Лилою прекрасной
В восторгах умирать?
Итак, ты изменила?
Красавица, пленяй,
Спеши любить, о Лила!
И снова изменяй.

VIII

Что, Лила, что с тобою?
В пещерной глубине,
Сокрытая тоскою,
Ты плачешь в тишине;
Грустишь уединенно,
И свет тебе постыл.
Где ж сердца друг бесценный?
Увы, он изменил!
Прошли восторги, счастье,
Как с утром легкий сон;
Где тайны сладострастья?
Где нежный Палемон?
О Лила! вянут розы
Минутная любви:
Познай же грусть и слезы —
И ныне терны рви!

IX

В губительном стремленьи
За годом год летит,
И старость в отдаленьи
Красавице грозит.
Амур уже с поклоном
Расстался с красотой,
И вслед за Купидоном
Веселья скрылся рой.
В лесу пастушка бродит
Печальна и одна.
Кого же там находит?
Вдруг Фавна зрит она.
Философ козлоногий
Под липою лежал
И пенистый фиал,
Венком украсив роги,
Лениво осушал.
Хоть Фавн и не находка
Для Лилы прежних лет,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сеть:
Подкралась, устремила
На Фавна томный взор
И, слышал я, клонила
К развязке разговор.
Но Фавн с улыбкой злою,
Напеня свой фиал,

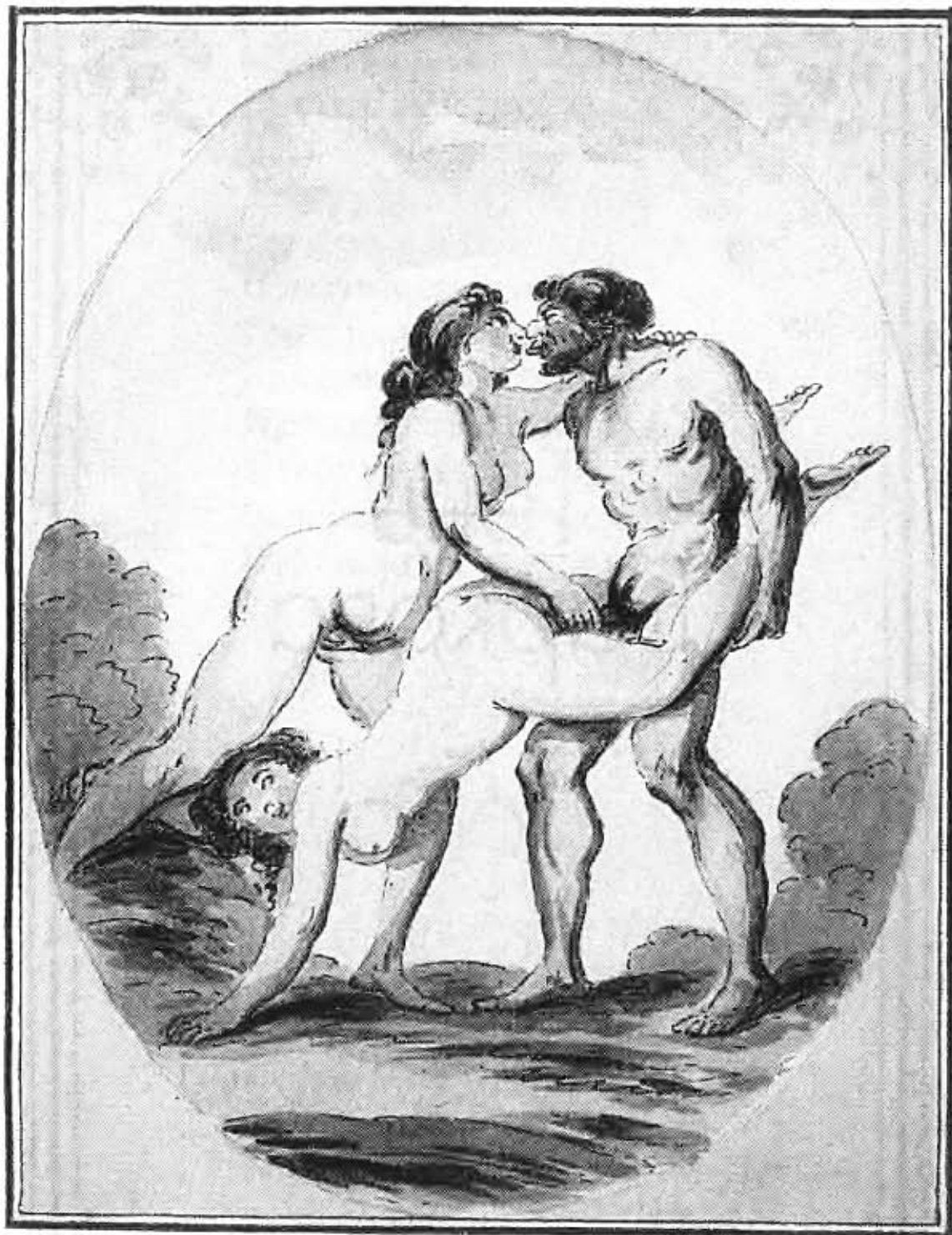

Качая головою,
Красавице сказал:
«Нет, Лиля! я в покое —
Других, мой друг, лови;
Есть время для любви,
Для мудрости — другое.
Бывало, я тобой
В безумии пленялся;
Бывало, восхищался
Коварной красотой,
И сердце, тлея страстью,
К тебе меня влекло;
Бывало... но, по счастью,
Что было, то прошло».

Тень
Баркова

ТЕНЬ БАРКОВА

Поэма, приписываемая Пушкину

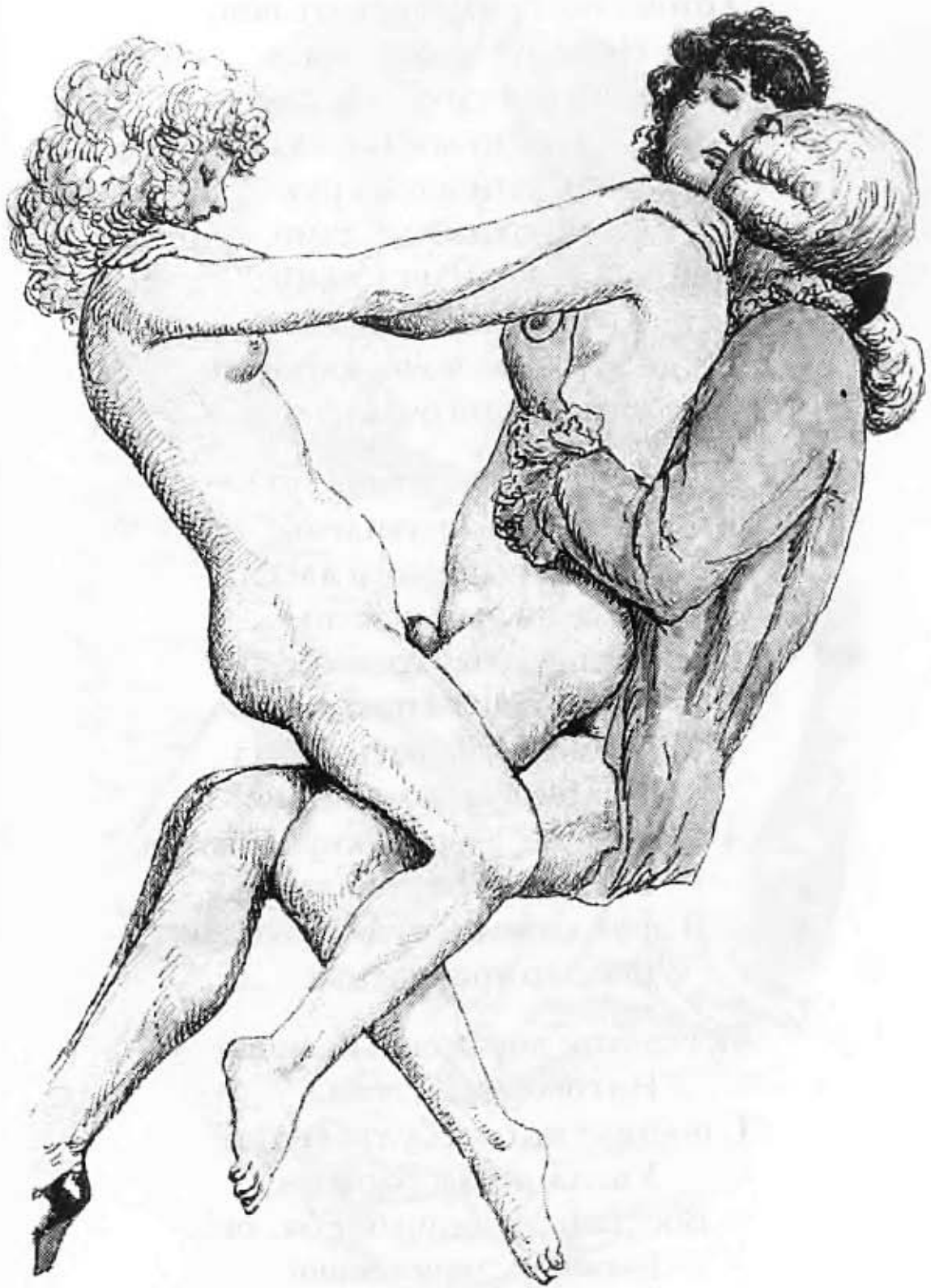
Однажды зимним вечерком,
 В борделе на Мещанской,
Сошлись с расстриженным попом
 Поэт, корнет уланский,
Московский модный молодец,
 Подьячий из Сената
И третьей гильдии купец
 Да пьяных два солдата.
Всяк, пуншу осушив бокал,
 Лег с б...ядью молодою
И на постеле отмечал
 Горячею е...дою.

Кто всех задорнее е...ет,
 Чей х...й средь битвы рьяной
П...зду кудрявую дерет,
 Горя, как столб багряный?
Хвала тебе, расстрига поп,
 Б...ядун трудолюбивый,
О землемер и п...зд и ж...п,
 Примерный жрец ретивый!..
В четвертый раз ты плешь впустил

И снова щель раздвинул,
В четвертый принял, вколотил,
Но х...й повисший вынул!..
Повис!.. Своей рукой
Ему милашка д...очит,
И плешь сжимает пятерней,
И волосы клокочет...
Вотще! Под бешеным попом
Лежит! она, тоскует
И ездит по брюху верхом,
И в ус попа целует...
Вотще! Е...дак лишился сил,
Как воин тяжелой брани,
Упал... главу свою склонил
И плачет в нежной длани.

Как некогда поэт Хвостов,
Обиженный природой,
Во тьме полуночных часов
Корпит над сладкой одой,
Погромче сочинять хотя, —
И вкривь, и вкось, и прямо,
Он, слово звучное вертя,
Ломает в стих упрямо.
Так б...ядь трудилась над попом,
Но не было успеха...
Х...й не становится столбом,
Как будто бы для смеха!..

Зарделись щеки, бледный лоб
Стыдом воспламенился,

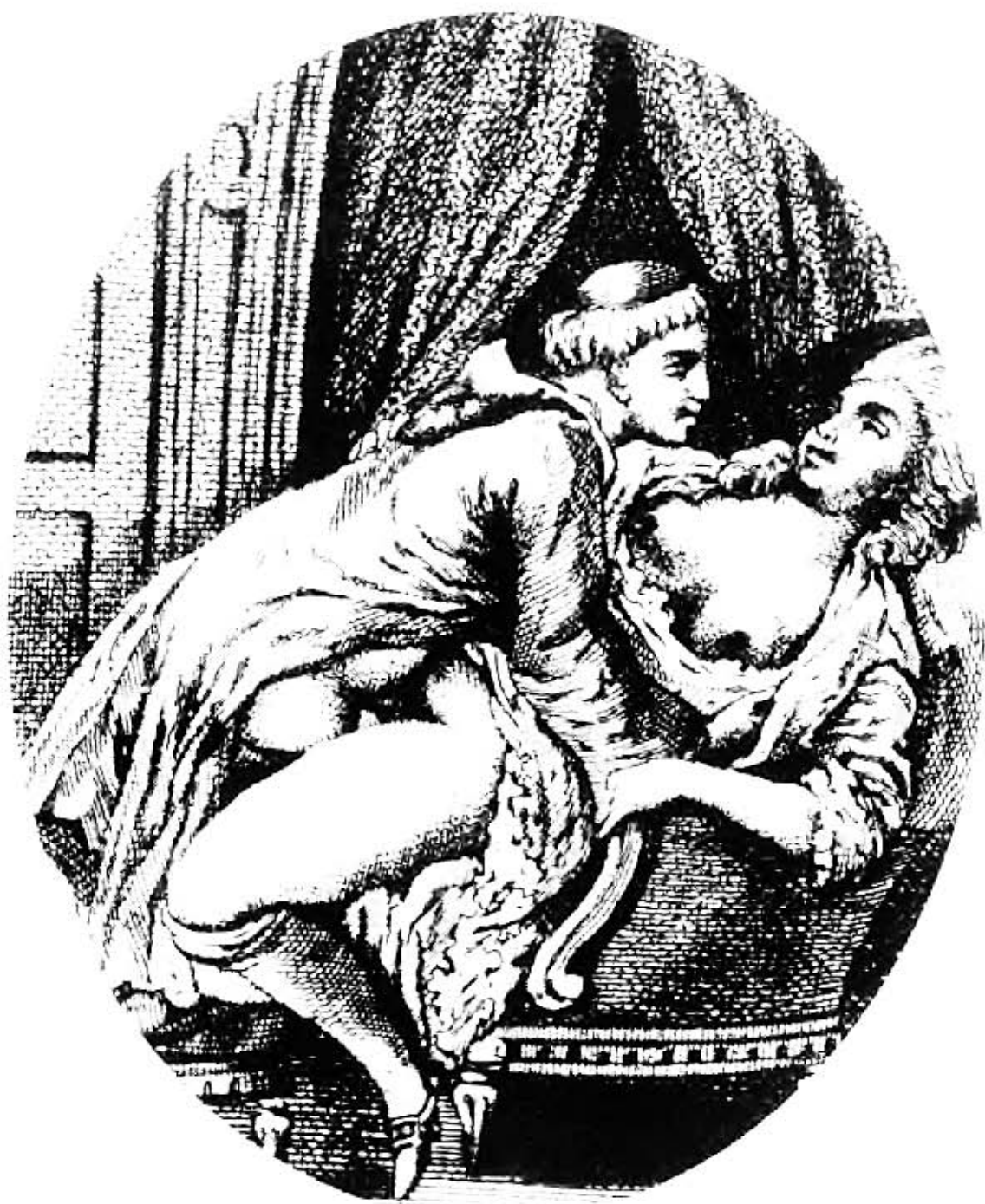
Готов с постели прыгнуть поп,
Но вдруг остановился...
Он видит: в ветхом сюртуке,
С спущенными штанами,
С е...диной длиною в руке,
С отвислыми м...дами, —
Явилась тень... идет к нему
Дрожащими стопами,
Блистая сквозь ночную тьму,
Огнистыми очами.

— Что сделалось детине тут? —
Спросило привиденье.
— Лишился пышности я м...д,
Е...дак в изнеможенье...
Предатель милый изнемог,
Не хочет уж яриться!..
— Почто ж, е...ена мать, забыл
Ты мне в беде молиться?
— Но кто ты? — вскрикнул Еба...ов,
Вздвогнув от удивленья.
— Я друг, спаситель твой, Барков!.. —
Вещало привиденье.

И, страхом пораженный, поп,
Не говоря ни слова,
С постели на пол, будто сноп,
Упал к ногам Баркова.
— Восстань, любезный Еба...ов!..
Восстань, повелеваю!
Всю ярость праведных х...ев

Тебе я возвращаю.
Иди, е...и милашку вновь!..
О чудо! х...й ядреный
Встает, краснеет плешь, как кровь,
Торчит, как кол вонзенный...
— Ты видел, — говорит Барков, —
Как я тебя избавил...
Послушай... правду говори...
Из всех ваших певцов
Еще меня никто не славил?
— Никто!
— Так мать же их в п...зду,
Хвалы мне их не нужны,
Лишь от тебя услуг я жду, —
Пиши в часы досужны!..
Возьми задорный мой гудок,
Играй, как ни попало...
Вот звонки струны, вот смычок —
В тебе ума не мало;
И спой лишь так, как пел Шатров,
Не Шаликовым тоном,
Кропоткин, Шахматов, Хвостов
Прокляты Аполлоном.
К чему, мой милый, подражать
Бессмысленным поэтам?
Последуй мне, е...ена мать,
Моим благим советам,
И будешь из певцов певец,
Клянусь моей е...дою...

Ни черт, ни девка, ни чернец
 Не вздремлют над тобою!..

— Барков! доволен будешь мной! —
 Провозгласил детина.

И призрак вмиг исчез ночной,
 И мягкая перина
Под милой ж... пой красоты
 Не раз еще измялась,
И б...ядь во блеске красоты
 Едва с попом рассталась.

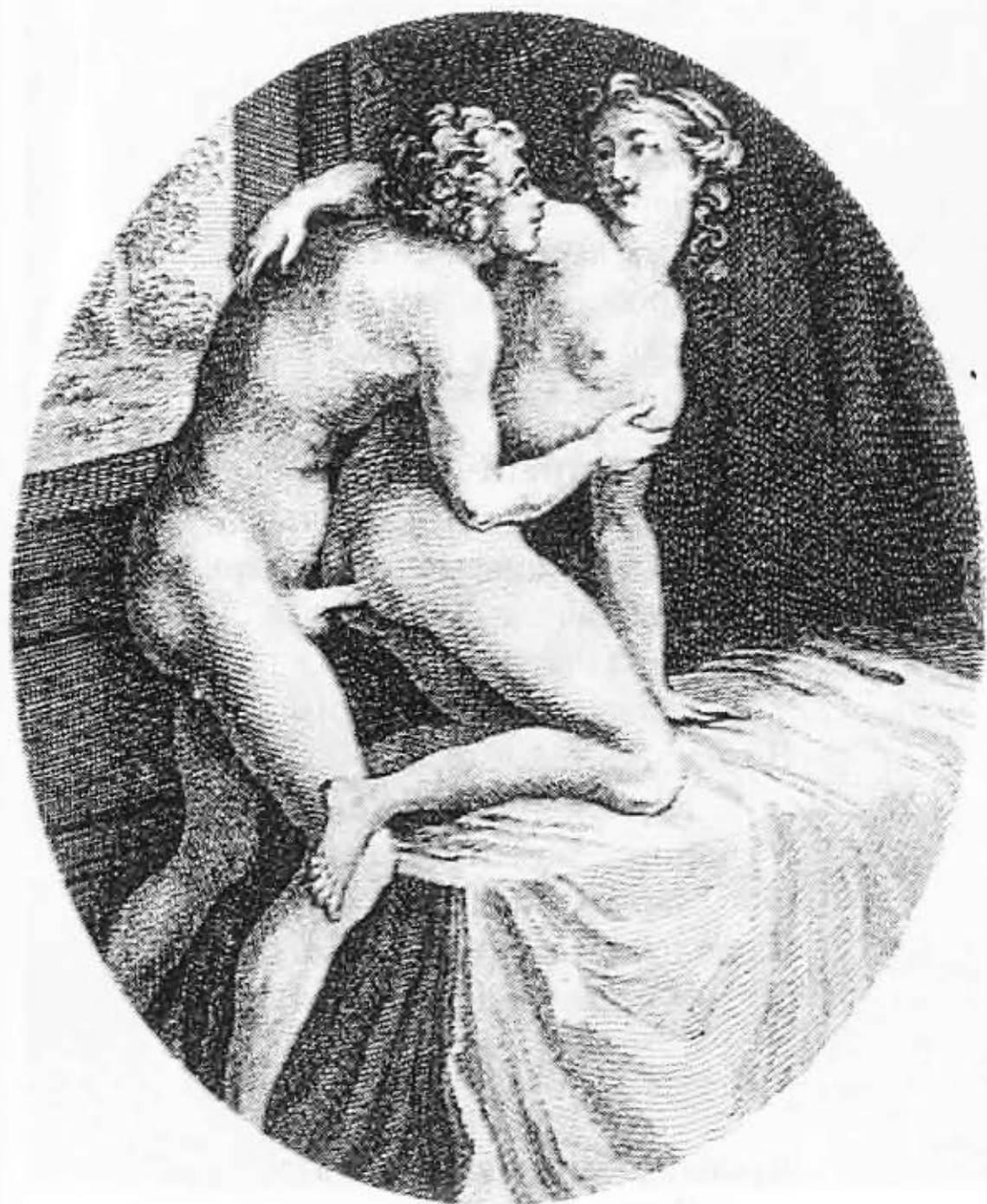
Но вот яснее свет дневной,
 И, будто плешь Баркова,
Выходит солнце за горой,
 Средь неба голубого.

И стал трудиться Еба...ов,
 Е...ет да припевает,
Везде хвалит: «Велик Барков!»
 Попа сам Феб венчает.

Пером владеет, как е...дой,
 Певец он всех славнее, —
В трактирах, в кабаках герой,
 На бирже всех сильнее!

И стал ходить из края в край,
 С гудком, с смычком, с м...дами, —
И на Руси вкушает рай
 С бумагой и п...здами;

И там, где вывешен е...дак,
 Над низкой ветхой кровлей,

THE TWO SISTERS
BY ANTONIO CANOVA
SCULPTURE
IN MARBLE

И там, где с б...ядью спит монах,
И в скопищах торговли,
Везде затейливый пиит
Поет свои куплеты,
И всякий день в уме твердит
Баркова все советы.
И бабы, и х...ястый пол,
Дрожа, ему внимают,
И даже перед ним подол
Девчонки поднимают.

И стал расстрига-богатырь
Как в масле сыр кататься...
Однажды в женский монастырь,
Как начало смеркаться,
Приходит тайно Е...аков,
И звонкими струнами
Воспел победу е...даков
Над юными п...здами.
У стариц нежный секелек
Зардел и зашатался...
Как вдруг — ворота на замок,
И поп в плену остался.

Вот девы в келью повели
Поэта Еба...ова...
Кровать там женская в пыли
Является дубова.
Поп во постелю нагишом
Ложится поневоле,
И вот игуменья с попом

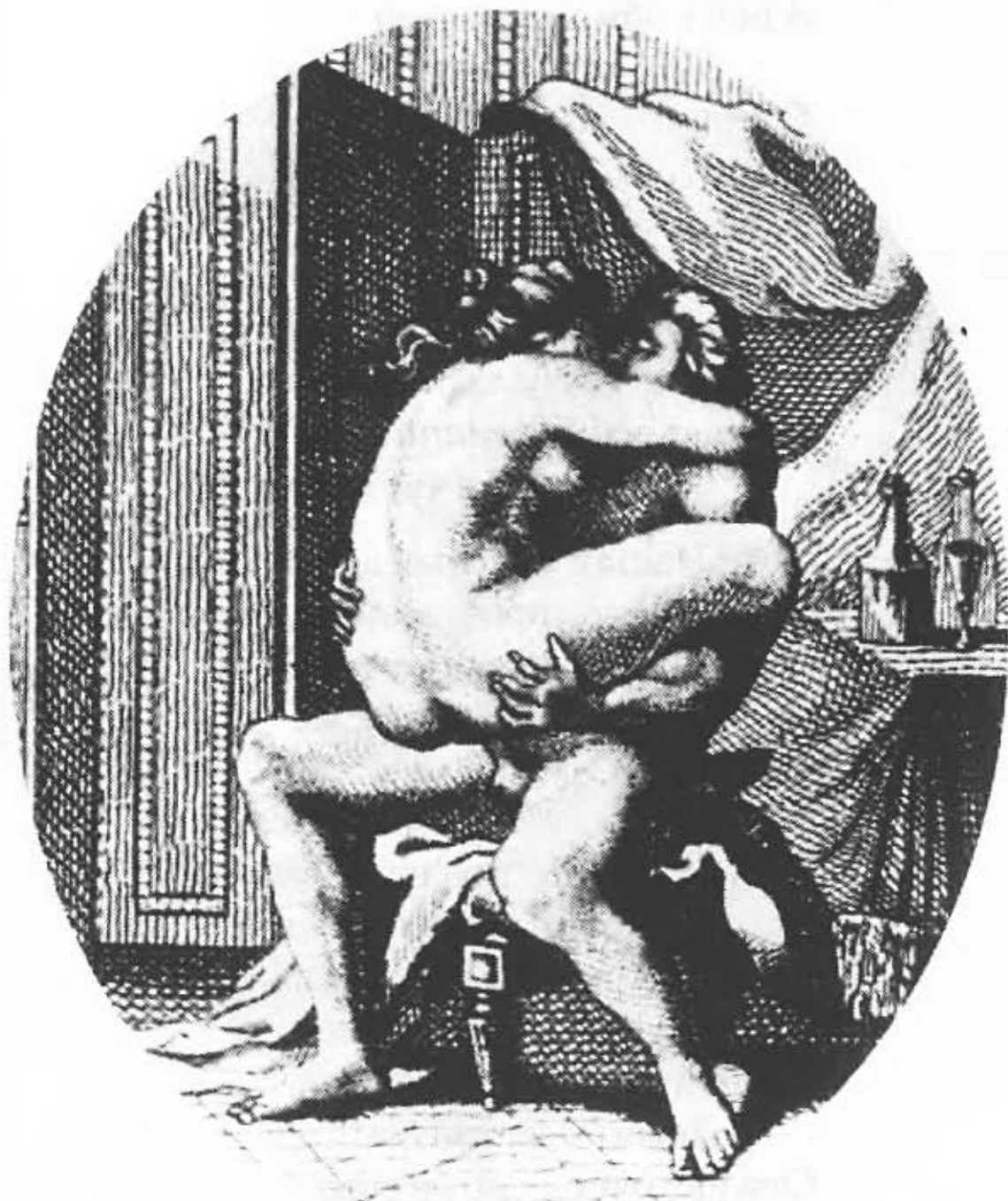

THE
LADY
OF THE
MANSION

В обширном е...ли поле.
Отвисли титьки до пупа,
П...зда идет вдоль брюха,
Тиранка бедного попа —
Проклятая старуха!..

Честную мать откачал
Пришлец благочестивый...
— Не взыщите! — страждущий сказал
С робостью стыдливой. —
Какую ж плату восприму?
— А вот, мой сын, какую:
Послушай, скоро твоему
Конец настанет х...ю!
Тогда ты будешь каплуном,
И мы прелюбодея
Закинем в нужник вечером,
Как жертву Асмодея!..

О, ужас! бедный мой певец!
Что станется с тобою?
Уж близок день, — тебе конец,
Уж ножик над е...дою!
Напрасно е...ь усердно мнишь
Девицу престарелу, —
Усердьем б...ядь ты не смягчишь,
Под х...ем поседелу.
Кляни зае...ины отца
И матери прореху...
Восплачьте, нежные сердца,
Здесь дело не до смеху!..

Проходит день, за ним другой,
Неделя протекает...
А поп в обители святой
Под стражей пребывает.
О вид, угодный небесам!
Игуменью седую
Е...ет по целым он часам
В п...зду ее.
Е...ет... но пламенный е...дак
Слабеет боле... боле...
И вянет, как весенний злак,
Скошенный в чистом поле.

Увы! Настал ужасный день!
Уж утро пробудилось,
И солнце в сумрачную тень
Лучами погрузилось...
Но х...й поповский не встает,
Несчастный устранился...
Отче м...де себе трясет, —
Напрасно лишь трудился.
Но вот, скрипя, шатнулась дверь,
Игуменья стремится
И в руку х...й берет, — но он
Лежит и не ярится...
Она щекочет, — но он спит,
Дыбом не становится...
— Добро! — игуменья рекла
И с гневом удалилась.

Душа в детине замерла.
И кровь остановилась.

Расстригу мучила печаль,
И сердце боле билось...
Но время быстро мчалось вдаль,
Темно уж становилось.
И ночь с е...ливою луной
На небо наступала,
И б...ядь в постеле пуховой
С монахом засыпала.
Купец уж лавку запирает...
Поэты лишь не спали
И, водкою налив бокал,
Баллады сочиняли!..

А в келье тишина была...
Вдруг стены пошатнулись,
Упали святцы со стола,
Листы перевернулись, —
Холодный ветер пробежал
Во тьме угрюмой ночи...
Баркова призрак вдруг предстал
Священнику пред очи:
В зеленом ветхом сюртуке,
С спущенными штанами,
С е...диной длиною в руке,
С отвислыми м...дами.
— Скажи, что дьявол повелел?
— Надейся, не страшися!

— Увы! что мне дано в удел?
Что делать мне? — Д...очися! —
И грешник стал е...дак трясти,
Трясет и... вдруг проворно
Стал х...й все вверх да вверх расти,
Торчит е...дак задорно...
Баркова плешь горит,
М...де клубятся сжаты,
В могучих жилах кровь кипит,
И пышет х...й мохнатый...

Но вот защелкал ключ в замке,
Дверь с шумом отворилась,
И с острым ножиком в руке
Игуменья явилась...
Являют гнев черты лица,
Пылает взор собачий...
Но вдруг на грозного певца
И х...й попа стоячий
Она взглянула... пала в прах,
Со страху обос...алась...
Трепещет, мучится в слезах
И с жизнью распрощалась...

— Ты днесь свободен, Еба...ов! —
Сказала тень расстриге.
Мой друг! успел найти Барков
Развязку сей интриге!..
— Поди! (отверста дверь была)
Тебе не помешают,
И знай, что добрые дела

Е...аки награждают.
Усердно ты воспел меня,
И вот за то награда!»
Сказал, исчез — и здесь, друзья,
Окончилась баллада!..

1814

СОДЕРЖАНИЕ

ЦАРЬ НИКИТА

Царь Никита и сорок его дочерей. <i>Поэма</i>	9
Христос воскрес	24
«От всенощной вечор идя домой...»	26
Нимфодоре Семеновой	28
О. Массон	30
Эпиграмма	32
«Иной имел мою Аглаю...»	34
«Недавно тихим вечерком...»	36
Наденьке	38
27 мая 1819	40

ОРЛОВ С ИСТОМИНОЙ В ПОСТЕЛЕ

Дорида	43
Разговор Фотия с гр. Орловой	44
Гр. Орловой-Чесменской	46
Мансурову	48
К Сабурову	50
Юрьеву	52
Сравнение	54
На князя А.Н. Голицына	55
Ты и я	56
Десятая заповедь	59

Репутация Беранжера	62
К портрету Каверина	64
«Накажи, святой угодник...»	66
«Сводня грустно за столом...»	68
На К. Дембровского	72
Красавице, которая нюхала табак	74
«Орлов с Истоминой в постеле...»	76

ГАВРИЛИАДА

Гаврилиада. <i>Поэма</i>	79
«Все изменилось под нашим зодиаком...»	108
«Мой друг, уже три дня...»	110
Анне Н. Вульф	112
Телега жизни	114
Из письма к Вигелю	115
Вигелю	117
«К кастрату раз пришел скрипач...»	119
«Мне жаль великия жены...»	121
«Ты просишь написать надгробную, Агафья?..»	122
««Сыны Отечества» и «Вестники Европы»...»	124
«В Академии наук...»	125
Дельвигу	127
«Словесность русская больна...»	129
Вишня	130

МОНАХ

Монах. <i>Поэма</i>	137
Эпиграмма	164
«От меня вечер Леила...»	165
Она	166
Леда. <i>Кантата</i>	168
Сафо	172

Две надписи к картинкам из «Евгения Онегина», приложенным к «Невскому альманаху»	174
Прозерпина	176
Торжество Вакха	180

ГРАФ НУЛИН

Граф Нулин. <i>Поэма</i>	189
К ней	210
К Щербинину	212
«Как широко...»	214
<М.Е. Эйхфельдт> (« <i>Ни блеск ума, ни стройность платья...</i> »)	216
Отрывки из стихотворения «Фавн и пастушка»	218

ТЕНЬ БАРКОВА

Тень Баркова. <i>Поэма, приписываемая Пушкину</i>	235
---	-----

Пушкин Александр Сергеевич
ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

ООО "Милена"
103031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 5/7, стр. 2

Подписано в печать 28.10.2005.
Формат 70x100¹/32. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 10,32.
Тираж 5 000 экз. Заказ 6259

Отпечатано в ОАО ИПК "Ульяновский Дом печати"
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 5-9744-0029-1
9 785974 400292 >